

16+

Зеркало судьбы

ТАТЬЯНА НИКИФОРОВА

Бестселлер (Союз писателей)

Татьяна Никифорова
Зеркало судьбы

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Никифорова Т. М.

Зеркало судьбы / Т. М. Никифорова — «Издательство «Союз писателей», 2018 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00073-809-2

Никому не дано знать, какие карты приготовила ему судьба. Сын простого гончара запросто может оказаться в компании колдунов, подружиться с пиратами и, в конце концов, влюбиться в царевну. А почему бы и нет? В загадочной Верлании, где оживают древние мифы и любимые сказки, возможно всё! На просторах волшебного мира, удивляющего неисчерпаемым запасом чудес, произошло небывалое событие. Сама того не зная, особа королевских кровей нарушила закон. В её покоях оказался чужой младенец, не достигший семидневного возраста! Царицу ждёт страшная кара. А, значит, от младенца пора избавиться. Но этому крохе уготована особая участь, а потому не суждено ему кануть в бурных водах реки, не придётся разбиться об острые скалы или встретить злых людей. Пираты и могущественные колдуны, простые смертные и диковинные создания встанут на его пути. А однажды, когда все фрагменты прошлого и настоящего сложатся в единую картинку, произойдут невероятные приключения.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-809-2

© Никифорова Т. М., 2018
© «Издательство «Союз писателей», 2018

Татьяна Никифорова

Зеркало судьбы. Сказка для взрослых

Зеркало судьбы: сказка для взрослых. / Никифорова Т. М. – Новокузнецк: Издательство «Союз писателей», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается

© Никифорова Т. М., текст, 2018

© Никифорова Т. М., иллюстрации, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

В стране Верлании в городке Логопуше, что неподалёку от стольного града Благрада, в семье горшечника по имени Гонтарь родился сын. По прошествии какого-то времени никто, кроме родителей, не вспомнил бы об этом событии, и наша история на этом и закончилась бы, но провидению было угодно, чтобы у проезжавшей через Логопуш кареты царицы сломалось колесо. Царица в ожидании, когда слуги исправят поломку, решила зайти вместе с сопровождавшей её служанкой Мелли в ближайший дом, которым оказался дом Гонтаря. Гонтарь в это время сидел перед окном и заканчивал расписывать стоящий на полу большой кувшин для вина. Жена его Ликея покормила ребёнка и пеленала, чтобы уложить спать, как вдруг в дверь постучали.

Гонтарь и Ликея переглянулись – они никого не ждали...

По закону, изданному первым правителем Верлании и продолжавшему действовать и поныне, запрещалось кому бы то ни было, кроме родителей, видеть новорождённого первые семь дней его жизни, и любого, кто нарушит запрет, ждало изгнание из страны, кем бы он ни был – нищим или царедворцем.

Горшечник выглянул в окно. Неподалёку от дома стояла карета с царским гербом на двери. Возле сломанного колеса сустились слуги, стараясь починить его. При виде кареты в ушах Гонтаря прозвучал зычный голос глашатая, огласившего два года назад на базарной площади закон правящего царя Стамира: «А семью того, кто откажет в приюте особе царского рода, ожидает смертная казнь.»

Гонтарь побледнел и чуть слышно произнёс:

– Ликея, к нам идёт царица! Если мы не впустим её в дом, мы погибли!

Ли́кея прижала заснувшего малыша к груди и в смятении поискала глазами, куда бы его спрятать, и тут её взгляд упал на кувшин, который расписывал муж. Ли́кея засунула ребёнка в кувшин, закрыла крышкой и обвязала горловину платком, как если бы сосуд был с вином. Спрятала детские вещи под одеяло и приказала мужу сесть за накрытый для обеда стол.

В дверь снова постучали.

Ли́кея бросилась открывать дверь, как вдруг услышала полный ужаса шёпот мужа:

– Ли́кея! Ты забыла убрать корзинку для сна сына!

Ли́кея задвинула корзинку под кровать, окинула быстрым взглядом комнату и распахнула дверь. На пороге вполоборота, нахмутив брови, стояла царица, постукивая веером по обтянутой тонкой кружевной перчаткой руке. Из-за её спины выглядывала молоденькая служанка Мелли.

Царица недовольно посмотрела на Ликею и тоном, не предвещавшим ничего хорошего, сказала:

– Что-то, милочка, вы не торопитесь открывать дверь особе царского рода! Вы не знаете, что за свою нерасторопность можете лишиться жизни?

Ликея почтительно отступила назад, пропуская царицу внутрь дома.

– Простите, Ваше Величество! Мой муж туговат на ухо, а я разбиралась в чулане и не сразу услышала стук в дверь, – нашла Ликея, склоняясь перед царицей в знак почтения и повиновения.

Царица хмыкнула и неторопливо вошла в дом.

Мелли поспешила за госпожой.

Гонтарь от находчивости жены воспрял духом, низко поклонился царице и, как слабослышащий, громко и смиренно сказал:

– Добро пожаловать, Ваше Величество! Мой дом – ваш дом! Куда прикажете нам с женой удалиться?

Царица скользнула по нему равнодушным взглядом и махнула рукой в сторону открытой двери чулана, как вдруг на глаза ей попался кувшин, который Гонтарь расписывал до её прихода. Яркая роспись привлекла её внимание, и она подошла к кувшину рассмотреть рисунок поближе. Ликея с ужасом следила за ней, полная тревоги за спрятанного в кувшине сына, и мысленно молилась, чтобы он не заплакал.

– Что вы стоите, как истуканы? Уходите скорее прочь с глаз госпожи! – прошипела Мелли.

Ликея очнулась и вместе с мужем пошла в чулан, подальше от глаз властительницы.

Истомлённые ожиданием – когда слуги починят колесо кареты и царица сможет продолжить путь – и волнением за сына, Ликея и Гонтарь не сразу услышали стук колес отъезжающей от дома кареты. Ликея кинулась к кувшину, чтобы вынуть ребёнка, но кувшина на месте не оказалось. Не веря глазам, она оглядела комнату, думая, что служанка переставила кувшин, но тот исчез вместе с малышом. Обезумев от горя, Ликея бросилась вдогонку за каретой, но разве догонит она шестёрку резвых лошадей, запряжённых в карету царицы. Карета быстро удалялась, увозя младенца в кувшине, а царица в ту минуту даже не подозревала о его существовании. Убитая горем мать, не замечая острых камней и дорожной пыли, не видя ничего вокруг, пошла к дворцу в надежде проникнуть туда и вернуть сына, как вдруг её сердце тревожно заныло, и, холодея от страха, она подумала: «А что если царица уже обнаружила малыша? Тогда, чтобы не быть изгнанной, она постарается избавиться от него прежде, чем я дойду до дворца...» – мысли Ликеи спутались, и она в изнеможении опустилась на землю.

А карета тем временем въехала в дворцовые ворота. Подбежавший слуга опустил ступеньки, царица вышла, опершись на поданную служанкой руку, и направилась в покои переодеться с дороги. Но остановилась и поманила кучера пальчиком.

– Чуть не забыла! Пусть слуги отнесут кувшин, который мы привезли, в мои покои, – и обрадованно подумала, что сможет вечером попробовать вино простолюдинов и угостить им своих гостей.

В покоях царица велела слугам передвинуть кресло к камину и поставить кувшин у окна.

Когда слуги всё исполнили, она приказала им удалиться и задумчиво посмотрела на кувшин.

В комнату вернулась Мелли с домашним платьем госпожи в руках и остановилась, не смея нарушить её раздумья. Царица, не глядя на неё, сказала:

– Знаешь что, Мелли? Я опасаясь, что кто-нибудь раньше времени попробует вино, и я не буду это знать. Чтобы этого не случилось, останься в комнате до моего возвращения и посторожи кувшин.

Отдав распоряжение, царица переоделась и ушла.

Мелли протяжно зевнула, положила диванную подушку на пол и села, прислонившись спиной к кувшину. Дорога её утомила, а в покоях царил полумрак, и незаметно для себя она задремала, не заметив спрятавшуюся за пологом кровати и следившую за ней дворцовую карлицу-шута, очень охочую до вина.

Карлица взяла со стола кружку, на цыпочках прокралась к кувшину и, убедившись, что Мелли спит, развязала платок на горловине. Осторожно приоткрыла крышку и опустила кружку поглубже, чтобы зачерпнуть побольше вина...

У Мелли от неудобной позы затекла спина, и она пошевелилась, стараясь устроиться удобно.

Карлица от испуга, что будет поймана с поличным, выронила кружку из рук. Кружка упала на спавшего в кувшине малыша. Ребёнок проснулся и заплакал.

Мелли вскочила на ноги.

Карлица вытаращенными от испуга глазами смотрела на глиняный сосуд, из которого доносился детский плач. Обе женщины непонимающе переглянулись и вместе заглянули в кувшин, чуть не стукнувшись при этом лбами, – внутри лежал спеленатый новорождённый младенец и плакал.

Вина в кувшине не было.

Удивление женщин сменилось растерянностью, а растерянность – испугом. С минуты на минуту в комнату могла вернуться царица, а они не знали, что им делать.

Дверь с шумом распахнулась. Царица стремительно вошла в комнату.

Карлица быстро накрыла крышкой кувшин и вместе с Мелли заслонила его собой. Но было поздно – царица услышала раздающийся откуда-то детский плач. Она остановилась и велела:

– Подойдите обе ко мне и покажите, кого вы там прячете?!

Мелли дрожащими от страха руками вынула плачущего младенца и протянула царице.

Глаза царицы гневно сверкнули.

– Ах, мерзавки! Как посмели вы выпить моё вино и засунуть в кувшин чьего-то ребёнка?! За такую проделку я вас накажу! – воскликнула она и схватилась за колокольчик, чтобы позвать стражу.

Карлица и Мелли упали на колени и взмолились:

– Смилуйтесь, Ваше Величество, и выслушайте нас! Мы не виноваты! Посмотрите сами – кувшин сухой внутри. Да мы и не смогли бы выпить так быстро много вина...

Царица поставила колокольчик на место, села на стул и, не сводя с женщин гневного взгляда, приказала:

– Рассказывайте. Я слушаю. Только не смейте обманывать меня. Иначе я прикажу вас казнить.

Мелли и карлица, не поднимаясь с колен, перебивая друг друга, рассказали, как обнаружили младенца. Царица подошла к кувшину – из него действительно не пахло вином. Да и рассказ показался ей похожим более на правду, чем на вымысел или ложь. И она догадалась, что жена горшечника спрятала в кувшине своего ребёнка. «А я подумала, что в кувшине хранится вино.»

От своей догадки царица побледнела. Мелли и карлица с мольбой смотрели на неё, всем своим видом показывая, что выполнят любой приказ, лишь бы не быть наказанными и остаться в живых. Царица прищурила глаза, ткнула пальцем в Мелли и приказала обмотать горловину кувшина тряпьем и залить воском.

– А ты, – показала она на карлицу, – тайно вместе с ней сбросишь кувшин в реку подальше от дворцовых стен. Если сделаете, как я велю, может быть, я вас помилую, – пообещала царица. Но когда всё было исполнено, стражники по её приказу схватили обеих женщин и бросили в

темницу. Единственный ключ от двери она выбросила в ту же реку, по которой уплыл кувшин с младенцем, радостно думая, что прислужницы уже не разболтают тайну кувшина и ей не нужно бояться грозящего изгнания и не придётся объясняться с мужем.

– Я попрошу Стамира объявить во дворце праздник и разошлю как можно больше приглашений на бал, – решила царица и с лёгким сердцем пошла к мужу...

А быстрая река Виоса уносила, покачивая на волнах, брошенный в её воды кувшин с несчастным малышом внутри. Скоро кувшин подплыл к маленькой бухточке, как раз в то место, где русло реки делало крутой поворот. Увлекаемый течением, кувшин ударился о прибрежный валун и раскололся. Но судьба была милостива к полузадохнувшемуся малышу. Он зацепился пеленальной ленточкой за торчавшую из воды рядом с валуном корягу и не утонул. Холодная вода вернула его к жизни. Голодный ребёнок громко заплакал. Но берег был безлюден, и никто не мог услышать его плач и прийти на помощь. Скоро плач стих, и замерзающего малыша растерзали бы дикие звери, но, на его счастье, на реке показалась разбойничья лодка. В днище зияла пробоина, и разбойники держали курс на пустынный берег, чтобы в безопасности и без помех устранить течь. На носу лодки сидел старый разбойник по имени Марин. Он заметил висящий на коряге странный свёрток и показал на него товарищам.

Гребцы налегли на весла. Лодка поплыла быстрее. И каково было удивление разбойников, когда они увидели в свёртке младенца без признаков жизни! Марин отцепил ленточку от коряги и положил спелёнатого малыша рядом с собой.

Главарь по кличке Воран с досады сплюнул в воду и отвернулся.

Команда недовольно зароптала.

Воран, чувствуя поддержку подельников, сердито проворчал:

– Марин, зачем ты взял малыша в лодку? Пусть болтался бы себе на коряге. Этот неизвестно откуда взявшийся мёртвый малыш может создать нам проблему на берегу, а мне и так хватает пробоины.

– Послушай, Воран! Берег пустынен. Никто нас не увидит, а болтать лишнее не в наших интересах. Малыш тоже человек, да и мы не до конца пропащие люди. Если кто-то поступил с ним не по-людски, давайте хоть мы похороним его по-человечески.

Разбойники выжидающе молчали.

Воран не стал спорить и согласился при условии, что Марин похоронит малыша сам, но после починки лодки. Разбойники вытащили лодку на берег, развели костёр и развесили вокруг него верхнюю одежду на просушку. Марин положил малыша в сторонке и вместе с подельниками приступил к починке лодки.

Тепло костра согрело ребёнка, и он начал тихо всхлипывать.

Разбойник, готовивший на костре еду, закричал:

– Эй, идите скорее сюда! Малыш оказался живой...

Разбойники сгрудились вокруг найдёныша, не смея прикоснуться к нему.

Марин распеленал малыша, растер тельце ромом и спрятал у себя на груди.

Малыш согрелся и громко заплакал. Он хотел есть, но у разбойников не было для него еды. Взрослые мужчины в растерянности топтались на месте, отводя глаза в сторону. Воран решил воспользоваться ситуацией и повысить свой авторитет среди поделщиков. Сделав над собой усилие, он сказал, что в двух часах пути есть небольшой, скрытый в долине у подножия высоких гор редко посещаемый путниками город Бургобош, и добавил:

– Если мы решили принять участие в судьбе бедолаги, нужно подбросить его кому-нибудь из горожан. Не таскать же нам его с собой?!

– А что?! Дельное предложение! – подхватил его идею Дюжан. Он был правой рукой главаря и при удобном случае поддерживал его. – Ранним утром все жители крепко спят. На реке будет туман, и нас вряд ли кто заметит.

Мужчины довольно заулыбались. Марин влил в рот малыша несколько смешанных с водой капель рома, и тот вскоре заснул.

Лодка разбойников в туманных утренних сумерках, никем не замеченная, причалила к берегу окраины Бургобоша. Марин положил малыша в корзину, отнёс к ближайшему дому, во дворе которого сушилось детское белье, и в задумчивости посмотрел на него. Мужчина был ещё в силе и достаточно крепок телом для опасного своего промысла, но разбой, как ремесло, давно тяготил его. Семьи у него не было, и ребёнок, которого в дороге он согревал у себя на груди, смягчил его сердце. Он достал из поясного кошелька цепочку с золотым медальоном в виде короны, в оправе которого сверкали бриллианты, и дрогнувшим голосом, с неожиданной для себя нежностью прошептал:

– Вот станешь, малыш, постарше, а мы вернёмся из дальнего плавания. Я оставлю лихой свой промысел и возьму тебя к себе. А чтобы узнать и не перепутать ни с кем другим, подарю тебе медальон, а ключик от него спрячу в укромном месте.

Марин надел медальон на шею ребенка и спрятал под пеленками. А ключик от медальона завернул в шейный платок и положил в запереченное дупло дерева, что росло у самой воды.

Никто из жителей Бургобоша не видел, как причалила лодка, никто не видел, как она уплыла... Поэтому не удивительно, что горожане сочли появление младенца с золотым медальоном на шее для себя добрым знаком свыше и окружили его заботой и вниманием, каким не удостоивалось, пожалуй, даже царское дитя.

Но как назвать подкидыша?

Горожанка, нашедшая его на пороге своего дома, предложила дать мальчику имя Богдар, и со всеобщего одобрения оно осталось за ним. Богдар жил по очереди в доме каждого горожанина в течение месяца, и в день, когда ему исполнилось пять лет, в городок, опираясь на посох, вошёл сгорбленный годами седой странник. Стоптаные башмаки, пыльная одежда и грязная седая борода говорили, что странник давно в пути и хочет отдохнуть. Но никто из бургобошцев не захотел пустить его в дом на ночлег. Никто не предложил старику кусок хлеба. Лишь Богдар, игравший у городского фонтана, достал из кармана яблоко и протянул старику.

Старик улыбнулся и с теплотой в голосе поблагодарил:

– Спасибо, мальчик! Я беру яблоко, но съем только его половину. Вторую половину стоицей верну тебе позже, – пристально посмотрел в глаза Богдара и продолжил, – на закате уйди из города по старой тропе в горы. Тропа приведёт тебя к заброшенной пещере. Проведи в пещере три дня, а на четвёртый с первым лучом солнца покинь её. Сделашь, как я сказал?

– Да, – ответил удивлённый его словами мальчик.

Старик, заручившись его обещанием, побрёл по улицам города. По пути он останавливался у дверей каждого дома и ударял о порог своим посохом. Закончив обход жилых домов, он вышел из города, очертил круг вокруг дерева, в дупле которого Марин спрятал ключик от медальона, и исчез...

На закате неведомая сила увлекла Богдара из города. По старой горной тропе он дошёл до заброшенной пещеры и провёл в ней три дня, не чувствуя ни голода, ни жажды. Единственным его развлечением было наблюдать за орлом, парившим в небе над выступом скалы, издали напоминавшим посох седовласого старика. Утром четвёртого дня Богдар отправился домой,

но на месте города, где безмятежно прожил он пять лет, был широко раскинувшийся морской залив. У дуплистого дерева его ждал старик, с которым он поделился яблоком.

Боглар подошёл к нему, и старик сказал:

– Я хочу отдать тебе вторую половинку яблока. Но она не простая, а волшебная. Если кинуть её в реку, она превратится в лодку, а если в море – в корабль. Возьми её. Она твоя.

Старик вложил в руку Богдара половинку яблока, сжал его пальцы в кулачок и исчез.

Богдар с удивлением посмотрел на свой кулачок и окинул взглядом окрестности. Вокруг не было ни души. Никто и ничто больше не удерживало его здесь. Он разжал кулачок и, зажмурившись, бросил половинку яблока в воду.

Послышался лёгкий всплеск.

Богдар открыл глаза – у берега стоял корабль с обвисшими парусами и перекинутым через борт веревочным трапом. Мальчик поднялся по трапу и прошёл на бак корабля.

Ветер наполнил паруса, и корабль понёс его к далёкому острову страны Морелании, где стоял замок таинственного старика.

А у царицы в этот день родилась дочь. Царь приказал палить из всех пушек, стоявших на крепостных стенах столичного города Благада, чтобы оповестить о важном событии жителей Верлании.

В семье Гонтаря к этому времени тоже произошли перемены. В его семье подрастали два малыша: сын и дочь. О первенце, увезённом царицей в винном кувшине, ни сам отец семейства, ни его жена Ликея старались не вспоминать, и, возможно, со временем боль утраты утихла бы в их сердцах, если бы не одно событие, напомнившее им давно минувшие дни.

Странники принесли в Логопуш весть о том, что на месте Бургобоша ровно через пять лет после появления в нём подкидыша с золотым медальоном на шее разлилось море. Жители города в одночасье исчезли, а в горах развелось так много змей, что ходить через перевалы стало очень опасно. Царь пообещал щедро наградить того, кто разгадает загадку Бургобоша и его жителей, назначив пожизненное содержание за счёт царской казны. Нашлось много людей, охочих жить за казённый счет. Среди тех, кто захотел разгадать загадку бургобошцев, оказался и Гонтарь. Но не обещанная награда влекла его на поиски разгадки, а всколыхнувшаяся вдруг уверенность, что тем подкидышем был его первенец, увезённый пять лет назад царицей в кувшине для вина. Его-то горшечник и хотел найти.

Прошло десять лет. За это время ушедшие вернулись к оставленным делам, лишь горшечник продолжал поиски сына. На короткое время он прерывал поиски и возвращался к семье, чтобы вскоре снова уйти. В один из дней, устало опираясь на палку, он брёл по берегу полноводной, быстрой реки Виосы, которая когда-то унесла брошенный в её воды по тайному приказу царицы кувшин с младенцем внутри. Небо заволокли сизые тучи. Вокруг быстро стемнело. Первые крупные капли начинающегося дождя заставили Гонтаря поднять голову к небу. Резкий порыв ветра сорвал с его головы шляпу и погнал прочь, но у Гонтаря не было сил догнать её. Он с сожалением посмотрел шляпе вслед и поискал глазами место, где можно было бы укрыться от дождя, но ничего не увидел и побрёл дальше.

Вскоре разразился такой сильный ливень, что в пяти шагах ничего не было видно. Хлынувшие с гор потоки воды смывали всё на своём пути, выворачивая с корнями деревья. Одно из них сбило Гонтаря с ног. Чтобы удержаться на плаву, он ухватился за ветви покрепче, но быстрый поток понёс его вместе с деревом к морю, куда впадала Виоса. Течение выбросило потерявшего сознание человека на бывшей окраине Бургобоша, неподалёку от одиноко стоящего дуплистого дерева. Сверкнула молния, и ствол дерева раскололся пополам.

Но вот ветер стих. Небо очистилось от туч, и только обломки ветвей и стволы вывороченных с корнем деревьев, валявшиеся вдоль берега, напоминали о недавно разыгравшейся стихии.

Сознание медленно возвращалось к Гонтарю. Тело его ныло, а голову раскалывала ужасная боль. Он попробовал приподняться, но глубокая рана на голове начала кровоточить, и Гонтарь потерял сознание. Над неподвижно лежащим человеком начал кружиться орёл...

На горизонте показалась большая лодка. Тяжело нагруженная, полная богатой добычи, она медленно, с трудом пробиралась среди волн к берегу и вскоре вошла в устье реки.

Воран встал во весь рост и стал осматривать заваленный принесёнными с гор поваленными деревьями берег, ища место, куда можно было бы причалить.

– Смотрите! – воскликнул вперёдсмотрящий по кличке Стрига. – Орёл!

Сидевшие на веслах разбойники подняли головы.

– Орёл завидел добычу, – задумчиво произнёс Марин. Он был самым старым из поделщиков.

– С чего ты взял? – удивился Воран.

– Птица с каждым кругом опускается всё ниже. Значит, она видит добычу, – не отрывая взгляда от орла, пояснил Марин.

Разбойники с трудом вытащили лодку на каменистый берег и крепко привязали к огромной коряге, торчавшей из воды.

Воран посмотрел на кружившего над разбитым молнией деревом орла и сказал:

– Я слышал, что здесь в горах есть заброшенная пещера. Мы найдем её и спрячем в ней наши сокровища. А ты, – обратился он к Марину, – останься у лодки. Разведи костёр и приготовь к нашему возвращению еду. Нам нельзя надолго задерживаться на берегу.

Разбойники взвалили тяжёлые мешки на плечи и, сгибаясь под их тяжестью, медленно пошли по горной тропе вверх. Марин проводил их взглядом и решил принести для костра сухих дров, а заодно посмотреть, что за добычу увидел орёл, – может, дичь какую?

Орёл заметил идущего к дереву человека и улетел.

Марин подошёл к неподвижно лежащему горшечнику и осмотрел рану на его голове. Затем извлёк из кармана бутылку с ромом и влил немного крепкой жидкости в его рот.

Гонтарь со стоном открыл глаза.

– Ты кто? – спросил он склонившегося над ним Марина.

– Разбойник, – просто ответил тот.

Гонтарь протяжно застонал и закрыл глаза.

Марин оторвал от своей рубашки рукав и стал перевязывать рану на голове. Гонтарь стонал от боли и боялся потерять сознание. Марин закончил перевязку, выпил плоток, положил рядом с раненым бутылку с остатками рома, набрал сухих веток и пошёл назад к лодке.

– Эй, подожди! Не уходи! – из последних сил окликнул его Гонтарь. – Не оставляй меня одного!

Марин обернулся.

– Сейчас ты вне опасности. Допей ром, а вечером я вернусь за тобой.

От выпитого по телу Гонтаря разлилось тепло, голова закружилась, и он заснул.

Марин развёл костер, повесил над ним котелок и в ожидании возвращения поделщиков сел возле огня. Ветки быстро сгорали, и вода никак не хотела закипать.

– Так дело не пойдёт! – проворчал Марин. – Скоро все вернутся, а у меня ничего не готово! – Он взял топор и вернулся к разбитому молнией дереву.

Горшечник спал.

Марин выбрал ветку потолще, взмахнул топором и замер – из расщелины ствола торчал кусок полуистлевшей от времени ткани. Он подошёл ближе и увидел остатки шейного платка, в который много лет назад завернул ключик от медальона, надетого на шею подкидыша.

– Странно! Что могло случиться с городом за время, пока нас здесь не было? Почему на его месте простирается море? – в задумчивости произнёс разбойник. К слову сказать, рыбаки, купцы и путешественники давно разнесли эту весть по городам и странам. Марин осторожно вынул из расщелины полуистлевший платок, и из рассыпавшейся в его руках ткани на землю выпал маленький золотой ключик. Марин поднял и внимательно рассмотрел его. Сомнений не осталось – это был ключик от медальона, подаренного им много лет назад малышу, которого он хотел приютить, но не смог тогда взять с собой.

– Эй, приятель! Что стоишь как пень? – окликнул Марина один из возвращавшихся на берег разбойников. – Смотри, у тебя костёр потух!

Марин сунул ключик в карман, взял валявшуюся на земле толстую ветку и пошёл назад к потухшему костру, досадуя, что уставшие и голодные поделщики станут его бранить.

Дюжан, выслуживаясь перед Вораном, напустился на Марина:

– К нашему возвращению ты должен был приготовить еду, а у тебя не только еда не готова, но и потух костёр!

Марин виновато опустил глаза.

– Я виноват. Простите меня, старика. Там, на берегу, – он протянул руку в сторону разбитого молнией дерева, – я нашёл раненого человека и, как мог, перевязал его. Уходя, я отдал бедняге свою бутылку с остатками рома, и теперь он спит. Помогите перенести раненого к костру, а я тем временем приготовлю еду.

Стрига украдкой глянул на Ворана и недовольно заворчал:

– Зачем нам раненый человек?! Он будет для нас обузой. Пусть остаётся там, где лежит.

Марин подавил вздох и сказал:

– Вы поедите и поплывёте дальше, а я хочу остаться здесь. Хотя я крепок ещё, но стал староват для лихих дел и не хочу занимать место в лодке. Исполните последнюю мою просьбу – принесите раненого к костру, чтобы я мог поухаживать за ним и спасти ещё одну жизнь.

Воран недоверчиво посмотрел на него, но придаться в словах Марина было не к чему.

– Раз ты решил отойти от нашего ремесла, пусть будет по-твоему. Ты всегда выделялся среди нас, и я давно ждал этого. Мы оставим немного еды и несколько бутылок рома, – сказал Воран и дал добро перенести раненого к костру.

Разбойники неохотно подчинились. Наскоро перекусив и похлопав на прощание по плечу остававшегося на берегу бывшего поделщика, они сели в лодку и отчалили от берега.

Марин спокойно посмотрел им вслед и подумал: «Много лет я разбойничал с ними, но сегодня наши пути разошлись. Между нами встал малыш с золотым медальоном на шее, ключ от которого лежит у меня в кармане». Когда лодка скрылась из глаз, он вернулся к раненому.

Гонтарь проснулся и сидел у костра, следя напряжённым взглядом за Марином.

Марин подложил веток в костёр, разделил оставленные еду и питье поровну и протянул руки к огню. После минутного молчания он негромко сказал:

– Я уйду. Я немолод и хочу успеть найти мальчика, выловленного нами из реки пятнадцать лет назад. Нужно отдать ему ключик от золотого медальона, который на прощание я повесил ему на шею.

– Постой! – воскликнул Гонтарь. – Я ищу сына, которого пятнадцать лет назад увезла из моего дома царица в винном кувшине. Может, спасённый вами малыш – мой сын? Давай продолжим его поиски вместе.

– Хорошо. Но где искать его? Бургобоша больше нет, а жители его исчезли. Кто скажет, что стало с подкидышем за пятнадцать лет?

Только успел Марин произнести эти слова, как на тропе, ведущей с гор, показался путник. Мужчины молча следили за медленно идущим к их костру седым стариком в стоптанных башмаках, в поношенной одежде и с грязной бородой. Он шёл, тяжело опираясь на посох, и

было видно, что каждый шаг причиняет ему боль. Старик подошёл ближе и попросил разрешения отдохнуть и обогреться у костра.

– Присаживайтесь, дедушка! Места всем хватит, – сказал Марин и подложил веток в костёр.

Он и Гонтарь отломали по половине от своих кусков хлеба и отлили поровну рома из своих бутылок в кружку старика. Старик сложил половинки хлеба вместе, смочил ромом из своей кружки и сказал:

– Далеко отсюда, в стране Морелании, есть остров. Ни пешему, ни конному туда не попасть, но я вам помогу. Возьмите и бросьте соединённые мною половинки хлеба в море. Коснувшись воды, они превратятся в корабль, который доставит вас к острову, где в замке живёт тот, кого вы ищете.

Старик вложил в руку Гонтаря половинки хлеба, сжал его пальцы в кулак и исчез.

Первым от изумления опомнился Марин. Он загасил костёр, засыпал угли землёй и подошёл к Гонтарю, задумчиво смотревшему на зажатый в кулаке хлеб.

– Эх! Будь что будет! – вскричал Гонтарь и с силой бросил хлеб подальше от берега.

Через мгновение на волнах покачивался корабль. Лёгкий ветерок играл обвисшими парусами.

Мужчины по верёвочному трапу поднялись на палубу. Усилившийся ветер наполнил паруса, и корабль устремился вперёд в открытое море...

Гонтарь и Марин стояли на баке корабля и всматривались в морскую даль, но лёгкий туман мешал увидеть что-либо впереди.

– Послушай, – первым нарушил молчание Марин. – Если мы отправились в плавание вместе, не мешало бы познакомиться. Должны же мы как-то обращаться друг к другу. Меня, например, зовут Марин. Моё ремесло тебе известно. Как прикажешь обращаться к тебе?

– Моё имя – Гонтарь. Я горшечник, и мой дом в Логопуше.

– Вот и познакомились. Неизвестно, сколько времени плыть нам вместе, а когда плывёшь не зная с кем... – Марин не успел закончить фразу. Туман на море рассеялся, и мужчины увидели остров, обрамлённый широкой полосой золотистого песка. В глубине острова на невысокой горе стоял замок, к которому вела дорога из белого мрамора, спиралью обвивавшая гору. У подножия горы была широкая терраса, на которую вели ступени от самой кромки воды. Рядом с террасой стояла повозка, запряжённая парой белых лошадей.

Ветер стих.

Паруса обвисли, и корабль, замедлив ход, остановился.

Мужчины переглянулись. От берега их отделяла широкая полоса воды, а лодки ни на корабле, ни у берега не было видно. Вдруг мужчины заметили плывущую к кораблю стайку дельфинов.

Дельфины держали в зубастых ртах ленты, привязанные к носу маленькой лодочки. Они издавали свистящие звуки и кивали головами, приглашая людей спуститься в лодочку.

Марин и Гонтарь, не переставая удивляться, сели в лодочку, и дельфины, описывая небольшой полукруг в воде, устремились к берегу. Лодочка коснулась бортом берега и остановилась. Дельфины отпустили ленты и скрылись в глубине моря. Мужчины сели в ожидавшую их повозку. Лошади без понукания тронули с места и повезли к замку, увиденному с корабля.

Марин и Гонтарь смотрели на море, надеясь увидеть хоть одно судно, но море до самого горизонта снова покрылось лёгкой дымкой тумана. Лошади остановились, и мужчины увидели ждущего их на пороге замка старца и пятнадцатилетнего юношу, на шее которого сверкал бриллиантами золотой медальон в виде короны. Марин и Гонтарь остановились на почтительном расстоянии и в приветствии склонили головы.

Старец поставил юношу перед собой и сказал:

– Я ждал вас. Вот тот, кого вы искали.

Юноша с удивлением спросил:

– Учитель, кто эти люди? Почему они ищут меня?

– Ты узнаешь об этом позже. У нас будет время обо всём поговорить. Путешественники устали с дороги. Проводи их в гостевой домик. Пусть они подкрепятся и отдохнут с дороги. А ты возвращайся в замок и жди меня. Но помни, ты не должен с гостями ни о чём разговаривать.

– Хорошо, учитель! – ответил юноша и пригласил мужчин следовать за собой. Не оглядываясь, он пошёл к стоящему в стороне от замка дому, наполовину скрытому под буйно разросшимися побегами виноградной лозы. Марин и Гонтарь хотели следовать за ним, но старец жестом руки остановил их и тихо, чтобы не услышал ушедший вперёд юноша, предупредил:

– Запомните, как бы вам ни хотелось, вы не должны говорить юноше о цели вашего приезда сюда и спрашивать его имя. Если нарушите запрет, вы никогда больше не увидите его. Запомните! Никогда! – строго повторил старец и жестом разрешил идти.

Мужчины поспешили за ушедшим вперёд юношей и, когда он обернулся, чтобы пропустить их внутрь дома, были уже рядом с ним.

Странный вид дома поразил воображение Марина и Гонтаря. Дом ничем не напоминал им привычное жильё. Дверь в прямом её назначении отсутствовала. Через стеклянный, заменявший крышу купол проникало так много света, что плети винограда не могли создать иллюзию полумрака.

Мужчины в замешательстве остановились, а юноша снисходительно пояснил:

– На острове нам некого бояться, и поэтому дверей ни в доме, ни в замке нет. Здесь вы найдёте всё необходимое. А когда учитель разрешит, я отведу вас к нему.

Юноша отступил в сторону, давая дорогу гостям. Марин опустил руку в карман и зажал в кулаке тряпицу с золотым ключиком. После небольшого колебания он решил отдать ему ключик и почти вынул руку из кармана, как вдруг луч солнца упал на висевший на шее юноши медальон. Бриллианты вспыхнули. Их свет на мгновение ослепил Марина. Он вскрикнул, разжал кулак и схватился руками за глаза, а в ушах у него прозвучали слова старца: «Запомните! Никогда!»

– Что случилось? – с тревогой в голосе спросили юноша и горшечник.

– Ничего, – поспешил успокоить их Марин. – Ресничка попала в глаз.

– Тогда входите! – ещё раз пригласил юноша и пошёл к замку...

Марин и Гонтарь вошли в дом и стали разглядывать просторную комнату. На придвинутом к одному из окон столе стояли накрытые прозрачными крышками тарелки с едой, ваза с фруктами, хрустальные стаканы и кувшин с виноградным вином. К столу были придвинуты два мягких стула на витых ножках. В глубине комнаты виднелись две кровати, закрытые пологом.

Гонтарь подошёл к столу и стал с интересом рассматривать лежащие возле тарелок столовые приборы, ручки которых были сделаны из драгоценного зелёного камня и напоминали маленьких спящих змеек. Но особенно его поразили зубья вилок, похожие на высунутые змеиные язычки.

Марин взял со стола один из ножей, покрутил в руках и сказал:

– Знаешь, Гонтарь, я никогда никого и ничего не боялся, а сейчас испытываю непонятную тревогу и страх. У меня такое чувство, что я видел такой нож, но не могу вспомнить, где и когда. А впрочем, не важно. Я голоден, и, думаю, нам помогли добраться сюда не для того, чтобы погубить. Воздам-ка я должное блюдам и наемся от пуза, – снял с тарелки прозрачную крышку и с завидным аппетитом принялся за трапезу.

Гонтарь последовал его примеру.

Вкус поданных блюд был изыскан, фрукты свежи и сочны, а вино прохладно и вкусно, и Марин скоро забыл о своих страхах и сомнениях, а Гонтаря его страхи и сомнения не волновали. Мужчины поели, и глаза у них от сытости посоловели.

Марин потянулся и мечтательно произнёс:

– Эх! После роскошного обеда неплохо было бы отдохнуть! Всё здесь хорошо, но для сна много света.

Едва произнёс он эти слова, как купол дома стал матовым, словно его накрыла пелена тумана, и комната погрузилась в мягкий полумрак.

– Чудеса! Как по заказу! – удивился Марин, откинул полог одной из кроватей и удивлённо присвистнул – на ложе, застеленном зелёным парчовым покрывалом, высилась гора пуховых подушек в белоснежных наволочках. Марин снял покрывало и потрогал перину, застеленную простыней восхитительного изумрудного цвета.

– Никогда в жизни я не спал на такой роскошной постели! – восхищённо произнёс он и с сожалением посмотрел на пыльную одежду и обувь, что были на нём. – Нет, эта роскошь не для меня. Придётся спать на земле во дворе.

Шум струящейся воды привлёк внимание Гонтаря. Он выглянул из дома и удивлённо воскликнул:

– Ручей!.. Марин, смотри, ручей! Когда мы шли сюда, его здесь не было!

– Брось! Просто мы не заметили его, когда догоняли твоего сына, – сказал подошедший Марин. – Да не всё ли равно? Сейчас я освежусь и первый раз в жизни выплюсь на роскошной постели.

Мужчины с удовольствием искупались в тёплой прозрачной воде, и вскоре бывший разбойник храпел, развалившись на мягкой перине. Но Гонтарю не спалось. Он присел на порожек и задумался, пытаясь разобраться в своём чувстве к найденному наконец-то сыну и найти ответы на мучившие его вопросы. Рад ли он сам встрече с первенцем, которого видел один день в жизни, и обрадуется ли сын, когда узнает, что это его отец? Рассказать ли сыну, как из-за нелепого, изданного правителями Верлании много веков назад закона он пропал из родительского дома? Не осудит ли сын его и Ликею за то, что они невольно пожертвовали им ради спасения царицы? Мысль о том, что, не впустив её в дом, они могли сами погибнуть, Гонтарю в голову не пришла. Вопросов к себе у него было много, а ответов на них – ни одного.

– Не мучай себя напрасно, – раздался рядом тихий голос старца. – Ты не найдёшь ответ на свои вопросы, пока я не захочу этого.

Гонтарь так задумался, что не услышал, как старец мягкой походкой подошёл к нему сзади и остановился, опершись на посох. Мужчина хотел встать, но старец удержал его на месте, опустив кончик посоха ему на плечо, и сказал:

– С восходом солнца я пришлю за вами. А сейчас последуй примеру своего спутника и ложись спать. Завтра вам, возможно, понадобятся все ваши силы.

Гонтарь вопросительно посмотрел на старца, ожидая пояснений, но тот ничего не добавил и, опираясь на посох, неторопливо пошёл прочь. Гонтарь посмотрел ему вслед и почувствовал, что хочет спать. Не в силах противиться сну, он вернулся в дом, скинул башмаки и, не раздеваясь, заснул на предназначенной для него постели, даже не разобрав её...

На рассвете купол дома из матового снова стал прозрачным, и первые лучи восходящего солнца разбудили мужчин. Они не сразу сообразили, где находятся, но сознание постепенно прояснилось, а события последнего дня заставили окончательно проснуться.

На пороге дома их ждал юноша. Не заходя в дом, он сухо обронил:

– Учитель прислал меня за вами. Завтрак на столе. Я подожду вас на улице и после завтрака провожу в замок.

Не дожидаясь ответа, он стал смотреть на море, затягивающееся густой пеленой тумана.

Марин и Гонтарь привели себя в порядок, позавтракали и вышли из дома. Марин хотел окликнуть юношу, но тот резко обернулся. Глаза его сверкнули опасным огнём, и он сурово сказал:

– Простой человек не может по своей воле попасть на остров. Я не знаю, кто вы и зачем ищите меня, но если вы прибыли с недобрыми намерениями и хотите причинить зло мне или учителю, уплывайте сейчас же назад. Ваш корабль стоит в бухте.

Гонтарь и Марин не ждали от него таких слов и растерялись.

Гонтарь первым пришёл в себя и воскликнул:

– Мы не хотим причинить никому зла! А тем более тебе...

Марин открыл рот, чтобы убедить юношу в добрых намерениях, но не успел ничего сказать, как Гонтарь, помня вчерашнее предупреждение старца, жестом остановил его и, стараясь говорить спокойно, добавил:

– Мы готовы следовать за тобой!

Огонь в глазах юноши погас так же быстро, как и вспыхнул. Он недоверчиво посмотрел на гостей и сказал:

– Я хотел бы поверить вашим словам, потому что учитель предоставил вам кров и защиту, но тайна, которую вы привезли с собой, растревожила его и не даёт покоя мне. Ещё раз предлагаю вам покинуть остров, пока здесь нет учителя. Скоро будет поздно это сделать.

Гонтарь попытался успокоить сына.

– Твои сомнения напрасны. Если бы от нас исходило зло, твой учитель не дал бы нам корабль, и мы не приплыли бы сюда.

– Вы правы, но ваши слова не развеяли моих сомнений. Впрочем. – юноша посмотрел в сторону замка и добавил. – Уже поздно. Учитель вернулся на остров, – и пошёл к замку, нисколько не заботясь, следуют за ним мужчины или нет.

На пороге замка стоял нахмурившийся старец.

Небо над островом потемнело. Солнце скрылось за сизыми тучами. Послышались отдалённые раскаты грома. Марин и Гонтарь взглянули на море и содрогнулись – огромные, с пенистыми гребнями наверху волны стремительно приближались к острову. Мужчины посмотрели на место, где стоял корабль, и увидели, как высокая волна подхватила и играючи выбросила судно на берег, разбив его в мелкие щепки. Юноша тревожно взглянул на учителя, перевёл взгляд на горшечника и бывшего разбойника, и глаза его снова блеснули недобрым огнём.

– Учитель! Чем вызван гнев морского повелителя? – взволнованно спросил он. – Неужели присутствие на острове этих двух людей так рассердило его?

– Нет, – удручённо ответил старец. – Морского владыку рассердило не их присутствие, а вещь, которую один из них привёз с собой, но пока не отдал тебе. Подойди ко мне.

Юноша подошёл. Старец взял его за плечи и тихо, чтобы не услышали мужчины, сказал:

– Элс! Ты многому научился за время, проведённое здесь со мной вдали от мира людей. Ты физически окреп, научился усмирять стихию и вызывать бурю. Знаешь всех обитателей морского дна и суши, умеешь подчинить их своей воле, но ты ничего не знаешь о себе. Пришло время узнать тебе это, а эти люди, которым ты по-своему дорог, помогут тебе выполнить твоё предназначение. Если я верну с вашей помощью самое дорогое для меня – жену и дочь, – ты вернёшься в мир людей, а если нет – мы вместе погибнем.

А море ревело и бесновалось, заглушая его слова. Огромные гороподобные волны стремительно набегали на берег и разбивались о прибрежную полосу, оставляя на ступеньках лестницы шапки белой пены и кучи водорослей. Ветвистые молнии всё ближе вонзались в потемневшую кипящую воду, а раскаты грома звучали громче и громче, пока не стали просто оглушительными.

Гонтарь и Марин с ужасом взирали на разыгравшуюся стихию. Им казалось, буря вот-вот разрушит замок и смочет его вместе с ними в морскую пучину.

Старец повернулся к мужчинам и громко велел:

– Ступайте за мной! У меня есть время рассказать вам обо всём, а вам – принять решение, – вошёл в замок, где шум стихии был не так слышен, и сел на мраморную скамью вместе с Элсом.

Мужчины расположились на застланном каменный пол ковре и приготовились слушать.

Старец помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказ:

– Я – сын могущественного повелевающего змеями мага, и родина моя – великие горы. В день моего рождения мать подарила мне на счастье доставшуюся ей от её матери цепочку с золотым медальоном в виде короны, по краям оправы которого вставлены бриллианты. Что было сокрыто в медальоне, никто из нас не знал, так как ключика, чтобы открыть его, у нас не было. Когда я достиг совершеннолетия, отец послал двух своих помощников искать мне невесту из семьи равных по силе нам магов. Время шло, но посланцы не возвращались. От них не было никаких вестей, и отец решил, что они погибли, и позвал ещё двух помощников, чтобы они продолжили поиски, но я сказал: «Отец! Позвольте мне самому отправиться на поиски невесты, а чтобы я мог скрываться от любопытных глаз, разрешите принимать облик змеи».

Отец не стал возражать, но предупредил, что если моей женой станет девушка не из рода магов, я потеряю могущество и не смогу вернуться к нему. Слова отца вызвали в моём сердце смутение, но я не мог допустить ухода в неизвестность ещё двух его помощников и с благословения матери отправился в неведомый путь.

Старец прислушался к доносившимся снаружи раскатам грома и рёву волн, посмотрел на молча внимавших ему людей и продолжил рассказ.

– Я прошёл много дорог и встретил много красивых девушек, но ни одна из них не принадлежала к роду магов. И вот однажды я вышел к берегу моря и присел отдохнуть на выступ скалы, нависавшей над самой водой. Я не торопился спуститься вниз и освежиться, а сидел и наслаждался шёпотом волн и любовался солнечными бликами на воде. Вдруг из воды появилась и вышла на берег прекрасная девушка. Её длинные пышные тёмные волосы оттеняли белизну кожи и ниспадали волной вдоль спины, подчеркивая стройность фигуры. На шее девушки висела золотая цепочка, а на ней ключик, тоже из золота.

При упоминании о ключике Марин достал из тряпицы золотой ключик и протянул на ладони старцу.

– Этот?

– Да! – подтвердил старец, но ключик не взял. Он помолчал, чтобы справиться с охватившим его при виде ключика волнением, и продолжил рассказ. – Я опасался внезапным появлением напугать девушку и прижался к скале, но она не заметила меня. Красавица взобралась на возвышавшийся из воды у самого берега большой валун и запела. О! Какой у неё был дивный голос! К берегу приплыло множество разных рыб. Рыбы резвились и выпрыгивали из воды, а девушка звонко смеялась, глядя на них. Внезапно она поднялась и нырнула в набегающую волну...

Я вскочил на ноги, но, сколько ни всматривался в волны, не увидел среди них прекрасной незнакомки. Не помню, как я спустился вниз и оказался у кромки воды. Я звал девушку, но она не откликалась. Я не знал, кто она и какого роду-племени, мне это было безразлично. Я влюбился в неё и, чтобы быть рядом с ней, готов был пожертвовать не только могуществом, но и принадлежностью к роду магов...

При мысли о том, что больше не увижу её, я пришёл в отчаяние и зарыдал. Внезапно меня осенило: «Я – сын мага! Вместо того чтобы страдать в неизвестности на берегу я могу превратиться в морскую змею и поплыть на поиски девушки».

Я произнёс заклинание, которому на прощание научил меня отец, и превратился в морскую змею. Пополз к воде и не заметил, как медальон соскользнул с моей шеи и остался лежать на берегу.

Старец вздохнул и посмотрел на медальон, висевший на шее Элса, скользнул взглядом по лицам мужчин, внимательно слушавших рассказ, и с болью в голосе воскликнул:

– О! Если бы я не был тогда так безумен и не торопился, сколько несчастий можно было бы избежать! Но я ошалел от любви к девушке и мысли, что потеряю её навсегда, если немедленно не поплыву за ней.

Шум стихии проник в замок. Лёгкий подземный гул заставил людей насторожиться, но старец, казалось, не слышал ни шум стихии, ни подземный гул. Он был спокоен и величествен в своём спокойствии и повёл рассказ дальше:

– Я плывал по безбрежным морским просторам и расспрашивал о незнакомке попадавших на моём пути обитателей подводного мира, пока не узнал от одного из них печальные для себя новости. Девушку звали Тея. Она была одной из дочерей морского повелителя Исея и морской королевы Морлины. Однажды в их семье случилось несчастье. От сильного подводного землетрясения поднялась и покатила к берегу высокая волна, грозя смыть один из прибрежных городков. Морлина ценой своей жизни остановила волну и спасла горожан от неминуемой гибели. Тея, поразительно похожая на мать, стала любимейшей дочерью отца, и её давно сватает за себя Макус – морской див о двух головах. Тея не давала согласия выйти за дива замуж, а когда тот появлялся в их дворце, уплывала к безлюдному берегу, чем вызывала недовольство отца. Исей, будучи в сильном гневе от очередной её проделки, заточил Тею в подводную крепость и объявил, что выпустит, когда она согласится на брак с Макусом...

Я узнал всё, что мне требовалось, и вскоре нашёл крепость, в которой томила Тея и куда проник, находясь в облике змеи. Девушка сидела за столом и складывала узор из морских ракушек. Увидев меня, она не испугалась, а удивлённо сказала: «Глупая змея! Зачем ты заплыла сюда? Уплывай скорее! Здесь не место для вольной твари».

Я произнёс заклинание и принял прежний облик, чтобы заговорить с Теей, но она от неожиданности громко вскрикнула. Стражники, стоявшие возле дверей, услышали её возглас и ворвались в комнату, чтобы схватить меня...

– Учитель! Почему вы не воспользовались своим могуществом и не скрылись от них? – спросил Элс.

Старец усмехнулся.

– Я легко мог скрыться, но не захотел. Исей всё равно узнал бы о моём появлении в крепости, а скрывшись, я навлёк бы его гнев на не повинную ни в чём Тею, и для меня она была бы потеряна. Данным мне могуществом я держал рвавшихся схватить меня стражников на расстоянии, не позволяя им приблизиться ко мне. Чтобы умерить их пыл, пришлось пуститься на хитрость и пообещать сохранить им жизнь, если они скажут Исею, что схватили меня не в комнате Теи, а возле подводной крепости. В противном случае при первых же словах против нас я пригрозил превратить их навечно в морских гадов. Стражники оказались не глупыми и согласились. Только тогда я позволил им схватить себя и отвести к Исею...

Старец заметил, что Марин вопросительно смотрит на него, и поинтересовался, о чём тот хочет спросить. И когда Марин спросил, почему он не уплыл с Теей, превратив стражников в змей, ответил:

– Твой вопрос естественен для человека. А дело в том, что тогда я не знал, захочет ли она плыть со мной. Тея не знала обо мне ровным счётом ничего, а принуждать её волю я не хотел.

Гонтарь тоже хотел задать вопрос, но старец остановил его.

– Не перебивайте меня! Позвольте закончить рассказ. Времени осталось мало, а рассказать, чтобы вы всё поняли, нужно ещё много.

– Хорошо! – пообещал Гонтарь и опустил голову, стараясь не выдать взглядом своё волнение.

Старец повысил голос так, чтобы шум стихии и подземный гул не заглушали его слова, и чуть быстрее продолжил:

– Как я сказал, стражники привели меня к Исею и рассказали обо всём так, как я просил. Исей посмотрел на меня сверкающими гневом глазами и грозно спросил, кто я такой и что искал возле места заточения его дочери?

Я спокойно выдержал его гневный взгляд и поведал свою историю. «Я хотел плыть к тебе, владыка, просить руки Теи, но не знал, буду ли люб ей. Поэтому решил сначала в окошко увидеть её и узнать это, но стражники схватили меня и привели к тебе».

Говоря это, я видел в глазах Исея сомнение в правдивости моих слов, и последовавшие слова подтвердили это: «Если ты, как говоришь, сын мага, почему не скрылся от стражников и почему они схватили тебя? Ты говоришь неправду! Ты – не сын великого мага. Если не скажешь правду, пеняй на себя. Мои слуги – морские волны – разобьют тебя о скалы».

«Хорошо. Я докажу, что я не обманщик», – ответил я, обернулся морской змеей, выскользнул из связывавших меня пут и снова принял свой облик. Не давая Исею и охранникам опомниться от удивления, со словами: «Ищите меня в подводной крепости!» исчез из дворца. Не буду рассказывать, какой переполох вызвало моё исчезновение и что последовало за этим. Важно, что Исей поверил мне. Он согласился отдать свою дочь за меня замуж и подарил ко дню свадьбы этот остров с замком.

– А медальон? – держа маленькую коробочку на открытой ладони, спросил Элс. – Медальон остался лежать на берегу. Как он попал ко мне? Кто я?

Старец мягко попросил:

– Потерпи немного. Конец моей истории близок, и ты скоро всё узнаешь.

Элс согласно кивнул, а старец продолжил:

– Ко дню нашей свадьбы Исей открыл свою сокровищницу. Когда гости подходили к нам с поздравлениями, Тея дарила каждому из них на память какую-нибудь дорогую вещь. Макуса она тоже не обошла вниманием и подарила нож с рукояткой из драгоценного зелёного камня, выполненной в виде спящей змейки...

Свадьба длилась три дня. Гости сменяли друг друга, и каждый получал подарок. Сокровищница Исея, тысячелетиями пополнявшаяся золотом, драгоценностями и произведениями искусства из трюмов затонувших кораблей, была поистине неисчерпаема.

– А что гости дарили вам? – с горящими любопытством глазами поинтересовался Элс.

– По обычаю магов подарки делают не гости, а гостям, – пояснил старец. – Мы можем принимать подарки только от равных себе по могуществу, а таким из гостей был Макус.

– Учитель, простите за нескромный вопрос. А что подарил Макус? – не удержался от нового вопроса Элс.

– О! – с горечью воскликнул старец. – Это был необычный подарок. Если бы я тогда знал, что знаю теперь, никогда не разрешил бы Тее принять его подарок. Коварство Макуса было так искусно скрыто за маской любезности, что никто не заметил этого. Он пришёл на торжество в конце третьего дня и подарил Тее круглое зеркальце, предупредив, что в него можно смотреться только до полуночи.

– Почему?

– Это было зеркальце вечной молодости. В полночь оно стирало из жизни смотрящегося в него время прожитого предыдущего дня. Нам неведомо было второе поистине ужасное его свойство. Тот, кто часто смотрелся в зеркало, незаметно для себя становился жестоким и эгоистичным. А Тея после свадьбы не выпускала зеркало из рук и повсюду носила с собой. Скоро она стала забывать зеркало в местах, где бывала, а это могло произойти где угодно, и слуги сбивались с ног в поисках зеркала. С каждым днём Тея становилась более жестокой, стоило им

замешкаться. Её будто кто подменил. Я страдал от этого и предложил Тее спрятать зеркальце в медальон со встроенным замочком, к которому подошёл бы ключик, висевший на цепочке, которую она носила не снимая. Она согласилась и пересмотрела все медальоны, хранившиеся в сокровищнице отца, но ключик ни к одному из них не подошёл. Я хотел преподнести в подарок жене подаренный мне матерью медальон, но считал его безвозвратно потерянным и старался не вспоминать о нём.

Характер Теи портился с каждым днём всё больше, и, чтобы избежать вспышек её беспричинного гнева, я стал уходить на террасу. Вода успокаивала и отвлекала меня от грустных мыслей.

И вот однажды, когда я сидел и бездумно смотрел на море, неожиданно мною овладело страстное желание поплыть на берег, где я встретил Тею в первый раз, и поискать соскользнувший с моей шеи медальон. Конечно, глупо было надеяться отыскать давно потерянную вещицу. С той поры прошло много времени, и медальон мог кто-нибудь просто найти, или его могло смыть волной, или засыпать песком. Это теперь я знаю, что желание искать медальон было навеяно чарами Макуса, а тогда. Тогда меня влекло на побережье, и я не мог ни о чём думать. Я решил попытать счастья и в облике змеи приплыл к берегу, где впервые увидел Тею.

Весь берег был завален камнями и обломками какого-то разбитого о скалы корабля. Казалось, неведомая сила, злобствуя, разбросала обломки по всему берегу. Я подумал, что ошибся местом – так изменились окрестности, но валун, на котором сидела Тея, и выступ скалы говорили, что я не ошибся. Глядя на завалы, я понял, что поиски медальона бессмысленны, и решил вернуться обратно. В последний раз окинул взглядом пустынный берег, как вдруг луч солнца, пробившись между сгущавшимися облаками, упал на каменные завалы. В них что-то блеснуло. От неожиданности я вздрогнул. С замиранием сердца, не смея надеяться на удачу, пополз вперёд и – о, счастье! Медальон, целый и невредимый, лежал среди камней, а бриллианты, обрамлявшие его, сверкали и переливались на солнечном свете – именно эту вспышку я и заметил... С трепетом я взял змеиной пастью медальон и положил перед собой насладиться его видом. Я радовался находке, как радуется ребёнок первой игрушке, и готов был петь и прыгать от радости, но я был в облике змеи и потому только извивался и шипел. Неожиданно голова моя оказалась прижатой палкой к земле. Я не успел опомниться, как очутился в кожаном мешке...

«Ах ты, змеюка! – услышал я сиплый человеческий голос. – Ишь, какую штуковину нашла!» «Красота!» – восторженно произнёс другой мужской голос.

По этому восклицанию я понял, что медальон подняли и любят его, и затаился.

«Ну, всё! Хватит любоваться! Пора уходить. Отдай медальон. Я сниму бриллианты, и потом мы поделим их поровну», – деловито предложил первый голос.

«Жаль ломать такую красоту! – с сожалением произнёс второй голос и, немного помолчав, предложил. – Дюжан, отдай мне медальон за половину моей доли от вчерашней богатой добычи»...

Я ждал ответ собеседника, но тот медлил. Похоже, он размышлял, оценивая выгоду предложенной сделки. Вдруг мужчина противно захихикал и предложил: «Марин, если безделушка понравилась тебе, я согласен отдать её целиком в обмен на всю твою долю. Даю минуту на размышление. Подумай. Твоя доля стоит дороже, чем эта побрякушка».

Марин с задумчивым выражением лица, произнёс:

– Да! За день до этих событий мы впервые за многочисленные набеги награбили много добра, и я отдал Дюжану за медальон всю свою долю. Но почему вы не вмешались тогда в наш спор и позволили забрать медальон с собой?

Старец отвёл взгляд в сторону, словно подбирая слова для ответа, но на самом деле он прислушался к подземному гулу и грохоту прибора. Разыгравшаяся стихия сотрясала стены

замка, и это начало тревожить его. Но рассказ был не закончен. Люди, не зная конца истории, вряд ли согласились бы помочь ему, и он, стараясь говорить быстрее, продолжил:

– Когда мне стало понятно, что люди хотят унести медальон с собой, я решил принять человеческий облик, но у меня ничего не получилось. Кто-то сковывал мою волю и не давал проявиться магической силе. Разбойники меж тем договорились о дележе добычи, оставили мешок со мной внутри на берегу, а сами удалились, хотя в тот момент я страстно желал, чтобы они забрали мешок с собой...

«Ну, вот ты и попался! – услышал я полный ненависти голос Макуса. – Твоя жизнь в моих руках. Ты не сможешь вырваться от меня, сколько ни колдуй. С твоей помощью я нашёл медальон, который долго искали мои предки. Придёт время, я отниму его у человека, открою ключиком, который висит на цепочке Теи, вложу в медальон зеркальце вечной молодости и стану самым могущественным магом. Я обрету власть над всем живым, но самое главное – над твоей женой и вашей дочерью, которую она носит под сердцем. Тея и ваша после рождения дочь будут прислуживать мне – морскому диву».

Злорадные слова Макуса и последовавший за ними жуткий смех рвали моё сердце на части, но в тот момент я был бессилен что-либо предпринять, так как был пленён равным мне по могуществу магом. Единственное, что удалось сделать, – это наложить на медальон заклятие, чтобы он потерял магическую силу и приобрёл её через невинно пострадавшего младенца мужского пола, который, не снимая, будет носить его пятнадцать лет.

Макус тогда этого не знал. Уверенный, что я задохнусь в мешке, он оставил его со мной внутри среди камней и удалился. Но как только див удалился, я снова обрёл магическую силу, высвободился из мешка и приплыл к замку, но Теи там уже не было. По царившему в покоях беспорядку я понял, что она покинула замок не по своей воле. На полу валялся нож с рукояткой из драгоценного зелёного камня – свадебный её подарок Макусу. И тогда я понял, что брошенный нож – это своего рода знак, послание Макуса: вот, мол, как я вас победил.

Из всех слуг я отыскал лишь служанку, которая спряталась в дальней комнате за коврами, куда Тея послала её за своим гребнем. Слуги дива не смогли или не успели отыскать её, но это неважно. Служанка услышала, как я звал Тею, и вышла из укрытия. Она рассказала, как подручные дива ворвались в замок, круша всё на своём пути, повязали слуг и увели их в рабство к Макусу. – «А сам Макус силой увёл мою госпожу» – добавила служанка и разрыдалась...

Услышав это, я поклялся уничтожить дива, но для этого я должен был стать магически сильнее его. И эту силу мне мог дать только отец. Перед тем как вернуться в страну предков, я рассказал о случившемся Исею. Я ждал, что он обрушит на меня свой гнев и негодование и внутренне готов был безропотно снести упреки, но Исей выслушал меня и спросил, что я намерен предпринять, чтобы освободить Тею. Я поведал ему о своём намерении постичь секреты высшей магии, без которых не смогу победить дива, а погибнуть напрасно не имею права, так как Тея носит под сердцем нашу дочь и его внучку. Я думал, Исей, услышав про внучку, удивится, но он улыбнулся и спокойно произнёс: «Тея незадолго до своего похищения была у меня и жаловалась, что ты уходишь из дома и часами сидишь около моря. Она была уверена, что ты охладел к ней, и решила не говорить тебе про дочь. А когда ты неожиданно исчез с острова, она подумала, что ты бросил её и уплыл навсегда. Тея так нервно теребила ключик на своей цепочке, что цепочка не выдержала натиска и порвалась. Ключик соскользнул с цепочки и чуть было не потерялся. Слезам Теи, казалось, не будет конца. Я не знал, чем её утешить, и был очень сердит на тебя. Но Тея вдруг вспомнила, что зеркальце осталось в замке. Слезы её мгновенно высохли. Она бросила порванную цепочку и ключик на столик и вместе с сопровождавшей её служанкой уплыла домой, даже не попрощавшись со мной!» Исей помолчал, припоминая что-то, и продолжил с тем же участием в голосе: «Я был озадачен поведением Теи, но теперь знаю причину тому и готов помочь тебе в борьбе с Макусом. Когда будешь готов сразиться с ним, я дам в помощники своих верных слуг – морские волны – и позову на помощь

лучшего своего друга – ветер. А для ключика в моей сокровищнице нашлась другая такая же цепочка. Я хотел занести цепочку вам, но опоздал. Возьми цепочку и ключик и сам отдай их Тее, когда освободишь её»...

Обещанная Исеем поддержка воодушевила меня. С лёгким сердцем я вернулся на остров, подобрал с пола нож и решил подбросить его вместе с цепочкой и ключиком человеку, забравшему мой медальон. Я догнал Марина и в облике змеи повсюду следовал за ним. После дележа добычи незаметно для всех подложил в его долю ключик на цепочке и нож.

Вспомнив о своей проделке, старец улыбнулся, но снова стал серьёзным и продолжил:

– Пять лет отец обучал меня искусству высшей магии. Обучение было трудным, но я делал всё, чтобы успешно выдержать суровый экзамен и получить право превращаться самому и превращать других в кого и во что угодно. Но самое главное, я стал магически сильнее Макуса и мог сразиться с ним. Я простился с родителями и снова отправился в путь, но уже не на поиски невесты, а на поиски жены и дочери. С помощью полученных знаний я безошибочно определил место, где находится мой медальон и ключик к нему, и того, кто носит медальон. Этот «кто-то» оказался невинно пострадавшим младенцем мужского пола. Оставалось только взять мальчика под своё покровительство и подождать десять лет, чтобы снова завладеть медальоном.

Гонтарь и Марин с удивлением посмотрели на старца. У Гонтаря готов был сорваться с губ вопрос, но старец опередил его, сказав:

– Я обрёл небывалое могущество, но обрета его, превратился в старца. Каждый год учёбы прибавил к моему тогдашнему возрасту по десять лет, и я не уверен, что Тея узнает меня. А если узнает – захочет ли вернуться ко мне такому? Теперь вы знаете обо мне всё и должны решить, могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Вы слышите доносящийся снаружи рёв и грохот? Это морской повелитель сдержал своё слово. Его друг-ветер и слуги – морские волны – начали бой с войском Макуса, который идёт уничтожить нас и завладеть медальоном и ключиком. Теперь пришла моя очередь сразиться с ним.

Марин и Гонтарь вскочили на ноги.

– Мы готовы помочь вам! Что нужно делать?

Элс с тревогой воскликнул:

– Учитель! Люди не могут сражаться с дивом!

Старец успокаивающе поднял руку.

– А они и не станут сражаться. Я посажу вас на новый корабль, и вы выйдете в открытое море. Макус знает, что с острова можно уплыть только на моём корабле. Не найдя вас на острове, он обязательно кинется в погоню. Я укрою от него корабль защитной пеленой тумана, и он на некоторое время потеряет вас из виду. Пока Макус будет пытаться разрушить чары защитного тумана, я проникну в его жилище, освобожу жену и дочь и спрячу их во дворце Исея, где они будут в безопасности, а сам вернусь на корабль и приму бой с Макусом.

Марин, в предвкушении острой схватки, с азартно заблестевшими глазами потёр руки, которые чесались у него от нетерпения задать жару коварному злодею.

Гонтарь сдержанно молчал.

Элс всем своим видом говорил, что ради торжества справедливости готов пожертвовать собой.

Вой ветра и гулкие удары волн становились всё громче. Сильный подземный толчок сбил всех с ног. По стенам замка пошли трещины, крыша готова была вот-вот обрушиться вниз.

Элс вскочил на ноги и кинулся на помощь учителю, но тот был уже на ногах.

Старец схватил его за плечи и закричал в самое ухо:

– Корабль стоит в жемчужной бухте. Отведи к нему мужчин и не смей возвращаться сам. Мне понадобится твоя помощь на корабле. Если лошади не убежали – скачите в бухту на них. Ты понял меня? – старец тряхнул Элса за плечи и, глядя ему в глаза, переспросил:

– Ты понял меня?

– Да, учитель! – прокричал тот в ответ. За стоявшим шумом его слов уже не было слышно, но он не волновался. Элс знал, что учитель знает его ответ. Он увлёк Марина и Гонтаря за собой к бухте, где стоял корабль, и вместе с ними вышел в открытое море. Густая пелена тумана окутала корабль, и стоящие на палубе люди не увидели, как дрогнули и зашатались стены замка. Мозаичные окна лопнули. Хрустальная крыша рухнула и рассыпалась на тысячи осколков. Замка, поразившего воображение Гонтаря и Марина, больше не существовало.

А старец, как только Элс с мужчинами убежал к бухте, в облике морской змеи устремился к самому дальнему острову Морелании, на котором стоял дом Макуса. Он никогда не бывал во владениях дива и решил спрятаться среди кораллов, чтобы некоторое время понаблюдать за обитателями тех мест и принять облик того, кому дозволено выходить на берег и входить в дом Макуса.

Время шло, но повсюду сновали только охранявшие подступы к острову самые страшные и ядовитые морские обитатели, какие только водились в морских глубинах. Макус силой магии удерживал их у острова, и они без его разрешения не смели покинуть свой пост.

Морские дракончики, рыбы-собаки, акулы и морские ежи просто кишели повсюду. Возле берега грелись морские коты с шипастыми хвостами. Плававшие повсюду морские осы готовы были вонзить жала-щупальца в любого чужака, посмеявшегося приблизиться к острову. Огромные спруты и осьминоги большими дозорными отрядами плавали кругами, а морские звёзды, затаившись на дне, поджидали свои жертвы, которыми могли стать любые незваные гости.

Но старец ждал напрасно. Вскоре он увидел плывущую к берегу огромную черепаху. Охранники уступили ей дорогу, оказывая при этом всяческие знаки внимания и почтения. Черепаха, не обращая на них внимания, вылезла из воды и заковыляла к дворцу.

Старец понял, что она – доверенное лицо Макуса, сменил облик змеи на облик черепахи и устремился к берегу. Появление у берега второй черепахи озадачило охранников, но они посторонились и уступили ей дорогу. Несколько недоверчивых рыб-собак, стараясь держаться от старца-черепахи на почтительном расстоянии, всё же сопровождали его до самого берега и стали кружить неподалёку.

Посланница дива проковыляла мимо исполинских ящериц, несших охрану на самом берегу, и вошла в дом. Старец, чтобы не потерять её из виду, не обращая внимания на ящериц, поспешил следом и вскоре очутился внутри великолепного дома, напоминающего собой огромный грот.

Внутренние стены и потолок были покрыты ракушками разного вида, а пол устилали перламутровые створки моллюсков, которые хрустели под тяжестью ковыляющей по ним черепахи. По царившей во дворце тишине старец понял, что дива на острове нет, и решил дать черепахе время уйти подальше, чтобы шорох его шагов преждевременно не выдал ей его присутствие, как вдруг увидел неподалёку от входа свернувшегося кольцом гигантского змея. Глаза змея были закрыты.

Старец принял облик человека и сделал шаг вперёд.

Створки моллюсков на полу хрустнули.

Змей открыл глаза и приготовился напасть на чужака.

Старец, пристально глядя в глаза змея, плавно поводил рукой из стороны в сторону и сказал:

– Ты – мой слуга и будешь следовать за мной, во всём помогая мне. А когда я покину этот дом, забудешь, что видел меня в облике человека. У Макуса томится в плену дочь морского повелителя Тея. Веди меня к ней.

Змей послушно пополз к отверстию, около которого лежал до этого.

Старец обернулся вторым змеем и, переползая по тайным ходам из комнаты в комнату, вместе с ним достиг небольшой круглой комнаты. Они остановились возле двери в стене, искусно замаскированной узором из ракушек, и только свернулись кольцом, как послышалось шуршание ракушек. К комнате приближалась черепаха. Она мельком глянула на неподвижно лежащих змеев, стороживших вход в комнату, и, не заметив ничего подозрительного, надела когтем на одну из ракушек. Дверь открылась, и она с порога сказала находящимся внутри комнаты:

– Меня прислал Макус. Он велел препроводить вас в другое место, – и угрожающе добавила, – не вздумайте сбежать по дороге. В пути нас будут сопровождать гигантские змеи, и в случае побега они вас сожрут.

– Я могу взять с собой что-нибудь из своих вещей? – спросил черепаху женский голос, при звуке которого сердце старца дрогнуло и сладко заныло.

– Возьми зеркальце вечной молодости и следуйте обе за мной! Сюда вы больше не вернётесь, – ответила черепаха и отодвинулась в сторону.

Из комнаты вышли молодая женщина и девушка.

Старец узнал жену и догадался, что следом за ней идёт их дочь. Он сделал над собой невероятное усилие, чтобы не броситься к ним, и пожирал их обеих глазами. Тея по-прежнему была молода и красива. Время не старило её, так как в руках у неё было зеркальце вечной молодости. Дочь была стройна и прекрасна. У неё, как и у матери, была тонкая талия и такие же дивные, длинные чёрные волосы. Огромные зелёные глаза, обрамленные тёмными густыми ресницами, как два изумруда сверкали под дугами тонких бровей. Выйдя из комнаты, мать и дочь остановились, ожидая дальнейших указаний черепахи.

Дверь за ними захлопнулась.

– Мама, куда нас поведут? – тихо спросила девушка.

– Не знаю, Ниса! Наверное, в новое узилище, – так же тихо ответила Тея.

Сердце старца громко застучало.

«Тея не забыла мою просьбу! Она назвала нашу первую дочь Ниса. Значит, Тея любит меня. Как жаль, что я не могу прижать их обеих к своей груди!»

Черепаха заковыляла к выходу.

Мать и дочь с понурым видом пошли следом.

Змеи замыкали шествие.

Неожиданно Тея обернулась, встретила взглядом с сопровождавшим их в облике змея мужем и, замороженная его взглядом, остановилась.

Ниса с удивлением глянула на мать и сбавила и без того неспешный свой шаг.

Старец невероятным усилием воли отвёл от жены так притягивающий её взгляд.

Тея очнулась и вместе с дочерью пошла за не заметившей их остановки черепахой.

На выходе из дворца черепаха с ненавистью посмотрела на пленниц. Она очень не хотела везти их на себе и готова была загрызть их обеих. От жгучей ненависти, плескавшейся в её маленьких глазках, старец внутренне содрогнулся. А черепаха, даже не стараясь скрыть свою враждебность, проворчала:

– Дальше поплывёте на моей спине. Напоминаю – нас сопровождают змеи, и если вы попытаетесь сбежать, они сожрут вас! – и заковыляла к воде.

Тея и Ниса, очутившись вне стен надоевшего им узилища, с наслаждением подставили лица солнцу, но черепаха не дала им насладиться его ласкающим теплом. Она злобно глянула на пленниц, и те поспешно уселись на широкий панцирь. Старец, оставаясь в облике змея, поплыл следом, любуясь женой и дочерью, понуро сидящими на черепахе, и сознание того, что они находятся под его защитой и близок час их освобождения, вселяло в него уверенность в благополучном исходе рискованного дела...

Лёгкий ветерок играл волосами Теи и Нисы.

Море было спокойно. Ничто не напоминало о буре, бушевавшей около острова старца, как вдруг по гладкой поверхности воды побежали волны. Черепаха встревожилась и поплыла быстрее. Волнение усилилось. Черепаха, не в силах справиться с волнами, в изнеможении остановилась.

Тея победно улыбнулась. Высокие, с пенными гребнями волны – слуги её отца – приветствовали дочь и внучку своего господина. Тея схватила Нису за руку и увлекла за собой в воду.

Черепаха, не раздумывая, бросилась вдогонку, намереваясь догнать их, но на её пути оказались оба змея. Угрожающий их вид сбил черепаху с толку. Не успев замедлить движение, она наткнулась на змеев, сдала назад, подгребая широкими лапами, и грозно закричала:

– Вы что, сошли с ума, если решили напасть на меня – посланницу нашего хозяина? Забыли, гады, что я главный смотритель за пленницами, а вы оба в моём подчинении?! Макус велел спрятать их в подземной крепости своего друга. Вы должны были охранять нас в пути, а вы, вместо того чтобы помочь поймать беглянок, нападаете на меня. По вашей милости они уплывают всё дальше. Если мы не выполним приказ, Макус отдаст и меня, и вас на растерзание акулам и осьминогам, а те, не моргнув глазом, вмиг сожрут нас...

Черепаха всячески ругала, увещевала и запугивала змеев, но те упорно преграждали ей путь. Истощав все возможные способы воздействия на взбунтовавшихся змеев, она повернула обратно и отправилась восвояси. Сумеет ли черепаха оправдаться перед дивом и избежать наказания за побег пленниц, не сумеет – это не волновало ни беглянок, ни их освободителей.

Старец посмотрел вслед удаляющейся черепахе и поплыл вдогонку за женой и дочерью. Другой змей, не отставая, следовал за ним. Ещё издали они увидели, что Ниса начала отставать от матери. Тея подбадривала дочь и помогала ей плыть, но, родившаяся и выросшая в неволе Ниса не могла долго плавать в воде. К тому же отец её не был жителем моря. Неожиданно для Теи оба змея выхватили Нису у неё из рук и увлекли к поверхности воды. Тея решила, что змеи выслуживаются перед дивом и тащат Нису в новое узилище в полной уверенности, что мать последует за дочерью. Не желая расставаться с Нисой, Тея поплыла вдогонку за похитителями, намереваясь при удобном случае отбить её. Вынырнув на поверхность, она увидела, что дочь держится за змеев, и те спокойно плывут в сторону замка Исея. Черепахи нигде не было видно.

Тея, ничего не понимая, устало поплыла рядом, как вдруг почувствовала, что один из змеев помогает ей плыть, поддерживая хвостом. Она с благодарностью посмотрела на него и обхватила рукой гладкое змеиное тело. Так без приключений они доплыли до замка Исея, и он обнял дочь, которую не видел столько лет, и внучку, которую видел впервые.

Старец, довольный, что жена и дочь в безопасности, не передохнув, решил плыть к своему острову, свести счеты с Макусом и прекратить начатую войну. Словно прощаясь, он посмотрел на сидящих с Исеем жену и дочь, и медленно поплыл к выходу. Второй змей, до того молча следовавший за ним, вдруг сказал:

– Без двух огненных стрел дива не победишь.

– Откуда ты знаешь про огненные стрелы? – удивился старец.

– Я прочитал это в одной из книг Тэзмея, когда служил у него.

– Ты служил у повелителя змей?! Кто ты? – спросил старец, стараясь вопросом не выдать себя.

– Меня зовут Медян. Я был помощником повелителя в одной из дальних его резиденций до поры, пока он не послал меня искать невесту для своего сына.

– Тэзмей послал тебя одного?

– Нет. Нас было двое, но мы разошлись в пути. Я знал, что на дальних островах живут морские девы, и решил среди них найти невесту для сына господина. Девы сладкими голосами сбивали мореплавателей с пути, и они, очарованные дивным пением, забывали о рулях и ветрилах. Корабли натывались на прибрежные камни и тонули, а сокровища, перевозимые на них, доставались девам. Придя к морю, я нанял за большую плату лодку разбойников, но в пути нас застал шторм. Лодка ударилась о подводный камень и дала течь. Разбойники повернули к берегу заделать пробоину, а я обернулся змеем и поплыл к острову сладкоголосых певуний, но ошибся направлением и попал на остров Макуса. Див коварно пленил меня. А чтобы я не сбежал, наложил заклятие и заставил сторожить вход в свой дворец. Но теперь я свободен и должен отомстить за своё пленение. Я помогу тебе найти огненные стрелы и, когда злодей будет уничтожен, вернусь к Тэзмею рассказать обо всём случившемся со мной. Он, наверное, считает меня изменником или трусом...

– Нет. Он считает тебя погибшим.

– Откуда тебе это известно? Ты – не обычный змей и обладаешь большой магической силой, которую я испытал на себе, но я не встречал тебя у повелителя.

– Я сын его – Зменей! – гордо ответил старец и рассмеялся бы, будь он в облике человека, при виде комично разинувшего пасть спутника, всем своим видом выражавшего изумление.

– Вы – сын Тэзмея?! Но сын его моложе меня, а вы явно старше.

– Тем не менее, я его сын. Когда вы не вернулись, отец, считая вас погибшими, хотел послать ещё двух помощников, но я упрямился и разрешил мне самому найти себе невесту, и я её нашёл. Моей невестой, а потом и женой стала Тея, которую в то время сватал Макус. В отместку он хитростью заманил меня в ловушку и похитил Тею, которая носила под сердцем нашу дочь. Чтобы победить Макуса и освободить жену и дочь, я вернулся к отцу и пять лет брал у него уроки высшей магии. Новые знания прибавили годы к моему возрасту и внешне состарили меня.

– И всё это время они томились в плену у дива, и я сторожил их?

– Да. Сегодня с твоей помощью я освободил жену и дочь. Но успокаиваться рано. Макус не побеждён и может натворить новых бед. Нужно спешить, пока див не разрушил чары тумана и не уничтожил корабль, на котором находятся два доверившихся мне человека и мой ученик Элс.

– А что вам до тех людей? – спросил Медян, но увидел стальной блеск в глазах Зменей и пожалел, что задал вопрос. – Извините, я не должен был это спрашивать! – почтительно изогнул шею Медян.

– Хорошо, – принял извинение старец. – Один из людей – отец Элса, а другой в своё время спас жизнь им обоим. Элс поможет уничтожить могущество дива, а если мы добудем огненные стрелы, то с их помощью я уничтожу самого Макуса. Я сказал это для того, чтобы ты знал, почему я тороплюсь. Показывай дорогу к огненным стрелам.

Медян устремился вперёд.

Зменей плыл следом.

Они плыли со всей возможной скоростью, насколько позволяли им их немалые силы. Обитатели моря, встречавшиеся на их пути, едва успевали увильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с огромными змеями. Вдруг чуткое ухо змеев уловило подземный гул. Далеко впереди показался скалистый остров. На самом деле это была исполинских размеров гора, вершина которой торчала над поверхностью воды. В глубине горы была кузница хранителя огня Огнея. Вход в гору загораживали два огромных камня. За камнями начинался ход, ведущий к дверям кузницы, дверь которой охраняли огнедышащие драконы. Кузнецы ковали стрелы и поддерживали огонь в горнах и под стрелами. Когда стрел накапливалось много, Огней из летающей громовой колесницы ради удовольствия метал их на землю или в то, что плавало по

воде, и, когда огненная стрела попадала в живую или неживую цель, случалась беда или разрушение. Сами кузнецы были слепые, а Огней от яркого пламени со временем стал хуже видеть.

– Как мы возьмём стрелы, если у нас нет рук? – прокричал Медян.

– Что-нибудь придумаем! – прокричал в ответ Зменей и велел ползти на вершину горы. Оставшись один, он с помощью магии сдвинул камни с места, и перед ним открылся коридор. В сторону от основного хода шло небольшое ответвление.

– Наверное, это выход к вершине горы, – отметил для себя Зменей, принял облик человека и пошёл по тёмному коридору вперёд. Чуткий слух драконов уловил звук приближающихся шагов, и из их пастей навстречу Зменею вылетели два снопа огня. Зменей пассом руки загасил пламя, а драконы замерли с открытыми пастью. Извергавшийся из них огонь осветил входную дверь кузницы.

Огней ходил вдоль наковален и железным прутком подгонял мешкающих кузнецов. Зменей выхватил из частокола две стрелы и выскочил из кузни. Драконы по-прежнему неподвижно стояли на своих местах и только поводили глазами. Зменей щёлкнул их по носу, и они рассыпались на множество ярких угольков. Угольки несколько раз вспыхнули и погасли. Обратный путь был свободен. Зменей побежал по потайному ходу к вершине горы, куда должен был приползти Медян. Медян не удивился его человеческому облику, так как знал, кто перед ним, лишь сказал:

– Плыть со стрелами нельзя. Они погаснут в воде.

– Мы не поплывём! Мы полетим на колеснице Огnea. Она понадобится ему не скоро. Стрел заготовлено мало, но мы постараемся вернуть ему колесницу вовремя, – сказал Зменей и, держа стрелы перед собой, уселся в летающую повозку. Медян свернулся у него в ногах. По взмаху огненных стрел колесница взмыла в воздух. Зменей направил стрелы в сторону своего замка...

Впереди показался остров. На вершине горы в лучах солнца сверкала гряда осколков обвалившейся крыши замка. Гороподобные волны яростно хлестали по острову. Неподдалёку от берега сизо-серебряным комом ваты клубилось большое туманное облако, скрывающее от дива корабль с людьми на борту. Корабль бросало из стороны в сторону, но благодаря чарам качка была не особенно сильной и не причиняла людям особых неудобств. Туманное облако с рваными краями понемногу расплзлось, и скоро внутри него обозначились контуры корабля. Макус стоял на развалинах замка, и обе головы его высматривали то, что было скрыто за туманной завесой.

Зменей оценил обстановку, и в голове его созрел новый план.

– Сейчас я опущусь ниже, а ты ныряй в воду. Передай Исею, что мне нужно зеркальце Теи, которое див подарил ей на нашу свадьбу. Зеркальце ослепит дива и лишит его взгляд магической силы. Если Тея не отдаст зеркальце добровольно, пусть Исей заберёт его у неё силой. Затем ты отдашь зеркальце Элсу и скажешь, чтобы он, когда колесница будет пролетать над дивом, поймал зеркальцем солнечный луч и ослепил им Макуса. Див на короткое время потеряет способность видеть, и я успею бросить в него стрелы. Торопись! Скоро туман рассеется, и прежде чем я наложу новые чары, див увидит корабль, и тогда находящимся на его борту людям не поздоровится.

Медян нырнул в воду и поплыл к замку Исея. Тея, узнав, для чего понадобилось зеркальце, безропотно отдала его змею и крепко прижала Нису к себе. Медян с зажатым в пасти зеркальцем подплыл к кораблю и по не убранному веревочному трапу взобрался на борт.

У Гонтаря при виде переползающего через борт огромного гада глаза расширились от ужаса, и, мыча, что-то нечленораздельное, он показал на змея Марину.

Марин выхватил из ножен кутлас, намереваясь изрубить змея на куски, но Элс закричал:

– Не трогайте его! Это посланец учителя! Видите, у него в пасти зеркальце Теи. Змей принёс зеркальце мне. Отойдите подальше или лучше спрячьтесь внизу. Сейчас чары развеются, и див увидит корабль. Если я не успею ослепить дива, он потопит корабль вместе с нами.

– Зачем ему топить нас? Мы не сделали ему ничего плохого и даже не видели ни разу! – дрогнувшим голосом спросил, побледнев, Гонтарь.

Марин презрительно посмотрел на перетрусившего горшечника и, потеряв над своими эмоциями контроль, забыв о предупреждении старца, закричал:

– Рано праздновать труса! Див – враг твоего сына и его учителя, значит, он и наш враг! – и обернулся посмотреть, не услышал ли слова подкидыш, но тот убежал с зеркальцем на бак корабля и за воем ветра не расслышал слов Марина, сказанных им в сердцах Гонтарю.

Не желая смотреть на дрожащего от страха горшечника, Марин стал наблюдать за действиями Элса, готовый по первому зову прийти ему на помощь.

Туман рассеялся, и див понял, где до этого времени прятались люди. Он направил на корабль четыре горящих чудовищной злобой глаза, чтобы магической силой взгляда погрузить судно вместе с людьми в морскую пучину, но Элс поймал зеркальцем луч солнца и как огненным мечом полоснул им по глазам Макуса. Макус взвыл от дикой боли и схватился за обожжённые волшебным зеркальцем глаза. Зменей метнул из колесницы в дива огненные стрелы и угодил ими в обе его головы. Макус вспыхнул ярким пламенем, и через мгновение его не стало.

Зменей облегчённо вздохнул. Сердце его возликовало, когда с корабля до него донеслось троекратное «ура»...

Марин и Гонтарь бросились обнимать Элса. Вопя от радости, взявшись за руки, они вместе закружились в дикой пляске. Вдруг Элс оставил пляску, подбежал к змею и обнял его. Из глаз юноши потекли слёзы, и несколько слезинок упало на голову Медяна. Элс почувствовал, что под его руками уже не змеиная кожа, и в изумлении отпрянул назад – перед ним сидел незнакомый человек и улыбался.

Зменей парил на колеснице и с улыбкой взирал на них. Насладившись зрелищем победы, он опустил колесницу на корабль и сказал:

– Медян, ты помог нам победить дива, и в благодарность я вернул тебе облик человека. Отправляйся к моему отцу рассказать про нашу победу, а я верну колесницу законному её владельцу.

С гибелью Макуса бушевавшая стихия пошла на убыль, и вскоре всё стихло. Море успокоилось.

Корабль поплыл к берегу, который Марин и Гонтарь не узнали. Не было того великолепия, которым остров поразил их в первый раз. Вдоль всего видимого берега валялись вывороченные с корнем деревья. Широкую полосу золотистого песка завалили камни и водоросли с ключьями пены наверху. Вместо замка виднелись руины. Белый мрамор дороги потрескался и местами обвалился. На месте бывшей террасы стояли три человеческие фигурки и смотрели на приближающийся к берегу корабль – это были Исей, Тея и Ниса.

Тея до рези в глазах всматривалась в стоящих у борта людей, пытаясь разглядеть среди них фигуру мужа, но корабль был ещё далеко. Она не выдержала напряжения ожидания, сорвалась с места и кинулась бегом к кромке воды.

Ниса вопросительно взглянула на деда.

Исей согласно кивнул, и Ниса бросилась догонять мать.

Исей величавой поступью, не торопясь, пошёл следом...

Зменей в это время подлетел на колеснице к кузнице-горе и не удивился, увидев Огнея на её вершине.

– Я ждал тебя, – вместо приветствия сказал Огней. – Тайком ты проник в мою кузницу, но вместо того, чтобы уничтожить тебя, я позволил взять две огненные стрелы, потому что

знал, для чего они понадобились тебе. Я был уверен в твоей победе над Макусом, который ненавидел всех магов и причинял много беспокойства. Див грозился при помощи сына правителя подземного мира, из озорства сотрясающего землю, разрушить кузницу и загасить в ней огонь. Не единожды я пытался попасть в Макаса стрелой, но он успевал скрыться в морской пучине. Я знаю, сколько неприятностей он доставил тебе, и мне ведомо, что ради его уничтожения ты пожертвовал молодыми своими годами. Ты избавил нас от злодея, и я могу помочь вернуть не прожитые тобой молодые годы.

– Что нужно для этого сделать?

– Отдай мне свой медальон.

– Но это наша семейная реликвия. Его подарила мне мать в день моего рождения.

– А ты знаешь, что сокрыто в нём?

– Нет. У нас не было ключа, чтобы открыть медальон и узнать это, – пожал плечами Зменей. – Нам в голову не приходило открывать его без ключа. Это равносильно тому, чтобы сломать медальон. Но я уверен, что вещь можно было бы открыть золотым ключиком, что висел на цепочке Теи.

– Ты сказал – «висел»?!. Ключик потерян?

– Нет. Сейчас он у человека, который скоро отдаст его моему ученику Элсу, и Элс откроет медальон. Но я чувствую себя беспокойно... Тревога растёт в моём сердце... Я хочу вернуться на остров, – заволновался Зменей.

– Хорошо! Ты вовремя вернёшься домой, а сейчас выслушай меня. Чтобы вернуть тебе молодые годы, мне придётся остановить время. Для окружающих это будет миг потерянной памяти, которого они не заметят. Для тебя эти мгновения сложатся в годы, которые перечеркнут время, в течение которого ты изучал высшую магию. Но знай, в результате замещения лет ты потеряешь приобретённые за это время магические знания. Прежде чем дать ответ, хорошо всё взвесь и подумай. У тебя есть минута на размышление.

– Я согласен, – не раздумывая, согласился Зменей.

– Не торопись с ответом. У тебя есть минута. Подумай, чтобы потом не сожалеть о потере высших магических знаний и могуществе, которое они дают тебе.

– Я приобрёл знания, чтобы победить дива и освободить жену и дочь из его плена. Теперь Макус уничтожен, а Тея и Ниса свободны. Если не верну молодые годы, не смогу вернуться к ним, так как Тея всё ещё молода, а я уже стар. Во имя этого я приношу в жертву полученные высшие знания. Прошу, Огней, поторопись! Я хочу поскорее обнять жену и дочь! – с мольбой в голосе произнёс Зменей.

– Хорошо. Ты сделал выбор. Я вернусь в кузницу, а ты встань на вершину горы. Когда почувствуешь, что земля уходит из-под ног, закрой глаза, чтобы пламя времени не опалило их, и не открывай, пока не почувствуешь, что снова твёрдо стоишь на ногах. Потом я отвезу тебя на колеснице домой, – сказал Огней и скрылся в пещере-кузнице.

Зменей сделал, как велел Огней, и когда почувствовал, что твёрдо стоит на земле, не решаясь открыть глаза, облегчённо вздохнул.

– Можешь открыть глаза, – услышал он рядом довольный голос Огnea.

Зменей провёл руками по лицу – бороды не было. Открыв глаза, он с удивлением посмотрел на ставшие гладкими руки, почувствовал упругие мышцы и с удовольствием сделал несколько приседаний.

– Как я выгляжу? – спросил он Огnea дрожащим от волнения голосом.

– Великолепно! Ты выглядишь как маг зрелого возраста. К сожалению, у меня нет зеркала, чтобы ты посмотрелся в него. Да в этом нет никакой надобности. Ты увидишь своё отражение в глазах жены и дочери. А сейчас садись в колесницу. Тебе пора вернуться домой, – сказал Огней, и летающая повозка взмыла в воздух...

Тея и Ниса стояли у кромки воды и с нетерпением ждали отвалившую от борта корабля лодку. На вёслах сидел Марин. Он уверенно вёл лодку к берегу. С каждым взмахом вёсел она подходила к берегу всё ближе и, наконец, подошла настолько близко, что стали ясно видны лица сидящих в ней людей, но Тея не увидела среди них того, кого с нетерпением ждала. Она обернулась на подошедшего отца и с отчаянием воскликнула:

– Отец! Почему в лодке нет моего мужа?! Что с ним? Он жив?

– Жив и здоров! – улыбнулся Исей и показал рукой на приближающуюся по воздуху колесницу. – Да никак вместе с ним сам Огней пожаловал?! Вот кого я не ожидал увидеть. Да ещё без огненных стрел! Чудеса!

Колесница опустилась на землю неподалёку от разрушенной террасы в тот момент, когда нос лодки уткнулся в песчаный берег.

Тея бросилась к колеснице.

Ниса побежала за ней.

Зменей, с влажными от радости глазами, прошептал:

– Тея узнала меня! Она по-прежнему любит меня! – шагнул из колесницы навстречу жене и дочери и прижал их к груди. Слёзы радости были наградой за все невзгоды, которые пришлось им пережить. Воссоединившаяся семья стояла, обнявшись, и не замечала никого вокруг. Они видели только друг друга...

– А где же старец? – удивились Марин и Гонтарь и посмотрели на Элса, который с изумлением уставился на вышедшего из колесницы мужчину.

Медян подошёл к ним и сказал:

– Хранитель огня вернул Зменею молодые годы, и теперь бывший старец стоит вместе с женой и дочерью, – и направился к беседующим Исею и Огнею. Маги прервали разговор.

Медян почтительно поклонился и сказал:

– О, великие маги! Я пришёл попрощаться и с вашего позволения покину остров. Сын моего повелителя послал меня к своему отцу поведать о коварстве Макуса и славной победе над ним.

– Мы не можем удерживать тебя, но прошу, задержись ещё ненадолго. Возможно, кто-то ещё, кроме тебя, захочет покинуть остров, и вы поплывёте на корабле, – ответил Исей.

Зменей почувствовал на себе пристальный взгляд Огнея, обернулся к нему и кивнул в знак того, что помнит о своём обещании и готов выполнить его. Нежно шепнул что-то на ухо Тее, погладил дочь по голове и направился к стоящим в стороне людям.

Элс с волнением ждал приближения учителя.

Зменей с теплотой во взгляде посмотрел на него и сказал:

– Элс! Пришло время узнать тебе историю своего рождения и жизни до того момента, как ты очутился на моём острове. Но сегодня ты узнаешь не только это. Ты узнаешь историю медальона, который пятнадцать лет носишь на шее. Эти истории поможет рассказать мне твой отец, – Зменей посмотрел на Гонтаря и, переведя взгляд на Марину, добавил, – и этот человек, в своё время спасший вас обоих от гибели.

Элс от таких слов пришёл в волнение, но постарался скрыть его и, заботясь о старших и женщинах, сказал:

– Учитель! Рассказ, наверное, потребует много времени, а у нас нет крыши над головой и вам не на что присесть.

– Не беспокойся, Элс. Мы вернёмся на корабль, – ответил тронутый заботой Зменей.

С помощью лодки и колесницы маги и люди перебрались на корабль, и Зменей начал рассказ:

– Элс! То, о чём я расскажу, произошло задолго до твоего рождения и не имеет к нему никакого отношения, но для ясности я должен упомянуть об этом. Ты слышал часть моей

истории, и для тебя, возможно, я в чём-то повторяюсь, но это не важно. Важно, что я не успел рассказать. Я говорил, где и как встретил Тею, и не скрыл охватившего меня отчаяния, когда она неожиданно уплыла, – Зменей с укоризной посмотрел на жену. Щёки Теи порозовели, и, смутившись, она в своё оправдание ответила:

– Отец прислал за мной своих слуг – морские волны, и, как послушная дочь, я вернулась домой узнать, зачем он позвал меня.

Зменей ласково улыбнулся и продолжил:

– Безусловно, но от отчаяния, что я могу потерять Тею, я потерял подаренный матерью медальон, который являлся семейной реликвией и которым я дорожил. У нас не было ключика, чтобы открыть медальон, и мы не знали, что хранится внутри него. На свадьбе Макус подарил Тее зеркальце вечной молодости, но умолчал об отвратительном его свойстве портить характер человека, часто смотрящегося в него.

– Да. Коварства ему было не занимать! Макус был мастер делать пакость! – проворчал Огней.

Зменей согласно кивнул и продолжил:

– Тея, как любая женщина, не хотела стариться и дорожила зеркальцем. Мы решили вложить его в медальон, который можно было бы открыть ключиком, висевшим на её цепочке.

– Но, к сожалению, в моей сокровищнице такой медальон не нашёлся, – буркнул Исей.

– Да, не нашёлся, – подтвердил Зменей, – и я, поддавшись чарам Макуса, отправился на берег искать потерянный свой медальон. Див тем временем похитил носившую под сердцем Нису мою жену и оставил в замке нож, который она подарила ему на нашей свадьбе. Брошенный подарок был недвусмысленным посланием для меня. Я понял его смысл и принял вызов Макуса...

Марин хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Ха! Вспомнил! Однажды я нашёл у себя в мешке такой нож, о котором вы нам рассказали, и до сих пор не могу понять, в какой момент времени он попал ко мне, ведь во время дележа добычи ножа не было.

– А больше ничего необычного ты не обнаружил тогда в мешке? – поинтересовался Зменей.

– Хм! Была ещё золотая цепочка с золотым ключиком, – вспомнил Марин. – Накануне мы награбили много добра, и почти вся добыча состояла из золотых украшений. Когда я отсыпал поделнику свою долю за отобранный у змеи медальон, я подумал, что цепочка с ключиком завалилась в угол мешка и случайно осталась в нём лежать. Ключик подошёл к замочку змеиного медальона, но открыть медальон у меня не получилось. Ключик не поворачивался, видимо, что-то заело в механизме. Чтобы не сломать вещь, я решил позже отдать её в починку ювелиру и повесил медальон на цепочку с ключиком. А потом я.

– Подожди! Ещё не время об этом рассказывать, – прервал Зменей Марина. – Мы и так отвлеклись. Давай всё по порядку.

Марин замолчал, а Зменей продолжил:

– Макус заманил меня в западню, но ненависть ко мне притупила его осторожность. Он раскрыл коварный замысел, который вынашивал. Ему нужен был сам медальон и ключик Теи, чтобы открыть медальон. Для этого он решил жениться на Тее. Женившись, Макус беспроblemно вложил бы зеркальце вечной молодости в медальон и обрёл бессмертие и власть над всем живым. Но Тея стала моей женой, и Макус из мести захотел сделать её и нашу дочь, которая вскоре должна была родиться, своими служанками.

– Какое низкое коварство! – возмутился Огней. – От Макуса можно было ждать любую гадость, но заставить прислуживать себе дочь Исея и Морлины и их внучку – это слишком!

Среди слушателей пронёсся ропот возмущения.

Зменей выждал немного и продолжил:

– Макус сказал, что отберёт у разбойника медальон, но я успел наложить на медальон заклятие, и он потерял свою силу. Но див тогда этого не знал.

– Жаль, что медальон не имеет больше магическую силу! – разочарованно произнесла Ниса.

Зменей посмотрел на неё и пояснил:

– Ни один маг не может навсегда лишить реликтовый медальон магической силы. Он лишь на время стал обычной вещью. По истечении пятнадцати лет медальон снова должен был приобрести силу через невинно пострадавшего младенца мужского пола, который носил бы его, не снимая, пятнадцать лет. Позже с помощью магии я узнал, что когда див похитил Тею, в Логопуше родился мальчик, и в стране, где он родился, действует странный, изданный несколько веков назад первым её правителем закон. Никому не пришло в голову отменить нелепый закон, и он неукоснительно соблюдается жителями до сих пор.

– А что это за закон? – спросила Тея.

– Закон запрещает всем, кроме родителей младенца, видеть новорождённого в течение первых семи дней его жизни. Любого, кто нарушит запрет, ждало изгнание из страны, кем бы он ни был – нищим или царедворцем. Но я знал ещё об одном суровом законе, изданном царствующей династией, по которому семью того, кто отказывал в приюте особе царского рода, ждала смертная казнь. Я воспользовался упомянутыми законами в своих целях и с помощью магии сломал в день рождения Элса около дома его отца колесо кареты, в которой царица возвращалась домой. О том, что случилось дальше, расскажет твой отец, а я отдохну, – сказал Зменей и посмотрел на взиравшего на него с суеверным страхом Гонтаря.

Элс с удивлением перевёл взгляд на отца, но промолчал.

Гонтарь повёл свою часть рассказа:

– Я хорошо помню день, принесший в наш дом беду. Жена не придумала ничего лучшего, как спрятать тебя, сын, в винный кувшин, и царица по незнанию увезла кувшин во дворец. Не стану описывать, что испытали мы, обнаружив твою пропажу, – любому понятно, что значит в одночасье потерять ребёнка. Ликейя пошла просить царицу отдать тебя, но вернулась с полпути и сказала, что «если богу угодно, пусть всё остаётся, как есть». И что царица, может, будет милостива, обнаружив тебя в винном кувшине, и найдёт способ сохранить тебе жизнь.

Голос Гонтаря задрожал, и он провёл рукой по глазам.

– Простите. Мне тяжело вспоминать о том времени, – хрипло сказал он и закашлялся.

Все терпеливо ждали, когда он справится с волнением, и не торопили с рассказом. Каждый внутри себя сочувствовал ему и сопереживал его горю.

Огней украдкой взглянул на Элса и увидел, что юноша подался вперёд и такой с болью и состраданием смотрит на неожиданно обрётённого отца, будто царица увезла в кувшине его собственного ребёнка.

Гонтарь извиняющимся тоном произнёс:

– С той поры прошло много лет, но вестей из дворца о тебе не было. Ты словно канул в воду. Появившиеся позже второй сын и дочь притупили нашу с Ликеей боль, но мы не забывали тебя. Если захочешь, можешь в любой момент встретиться с братом и сестрой.

Марин усмехнулся и подал реплику:

– Ты верно подметил, что первенец канул в воду. Если бы я с подельниками вовремя не обнаружил его, сейчас и рассказывать было бы не о ком.

Гонтарь обрадовался вмешательству Марина в дававшийся с трудом рассказ и попросил продолжить повествование дальше.

Марин почесал затылок, подумал и сказал:

– Ну да. Я прекрасно всё помню, как если бы это случилось вчера. Накануне мы с подельниками совершили удачный набег, но не успели сбыть награбленное добро, и наша тяжело гружёная лодка имела низкую осадку. Воран и Дюжан ушли на берег узнать, что из украшений

можно продать перекупщикам и владельцам лавок, а мы от нечего делать сели играть в кости. Игра была в разгаре, когда они с довольными лицами вернулись назад. Я подумал, что подельники договорились об удачной сделке, и не придётся торчать в тех местах, но всё оказалось иначе. Нашу лодку за большие деньги нанял богатый чужак, решивший послушать, как поют морские девы. Плыть по морю в перегруженной лодке было опасно, но плата за провоз была так высока, что Воран решил рискнуть и отвезти чужака на остров дев. Лучше бы он этого не делал. Неподалёку от скалистого берега нас застал шторм. Лодка налетела на риф и дала течь. Мы поплыли к берегу заделать пробоину...

– А тот, как вы сказали, богатый чужак тоже принимал участие в ремонте лодки? – со смехом спросила Ниса, но Тея одёрнула её.

Марин недоумённо посмотрел на Нису. Он не понял, что в рассказе рассмешило её, и, чтобы не попасть впросак, решил не уточнять, а серьёзно ответил:

– Был сильный шторм, во время которого у мореплавателей, кроме как грести и вычерпывать воду, много разных других забот. Нам некогда было смотреть за пассажиром. Скорее всего, его смыло водой, так как больше мы его не видели.

Медян хмыкнул и хотел вмешаться в разговор, но Зменей красноречиво взглянул на него, и у бывшего змея отпало желание внести точность в данный эпизод истории, тем более что эта часть повествования не имела никакого отношения к Элсу.

– Вы хотели что-то спросить или сказать? – Марин повернулся Медяну.

– Нет. Ничего. Продолжайте, пожалуйста, – вежливо попросил Медян и опустил глаза.

Марин недовольно взглянул на Нису и бесцеремонно сказал:

– Девушка! Из-за вашего вопроса я потерял мысль. Не перебивайте больше меня, потому как рассказчик из меня неважный. Так вот. Я сидел на носу лодки вперёдсмотрящим и первым заметил болтающийся неподалёку от берега на торчащей из воды коряге странный свёрток.

– В нём были драгоценности? – не удержалась от вопроса Ниса и украдкой взглянула на мать, желая убедиться, не допустила ли она бестактность, но Тея не смотрела на дочь. Её взгляд был устремлён на Элса.

Марин укоризненно сказал:

– Нет, девушка! В свёртке были не драгоценности, а спеленутый новорождённый бездыханный мальчик. Тепло разведённого на берегу костра вернуло его к жизни. После починки лодки мы отвезли его в ближайший город Бургобош, и я оставил его в корзине во дворе одного из домов.

– И никто не видел вас? – спросил Гонтарь.

– Нет. Было раннее туманное утро. Все жители городка спали, и, никем не замеченные, мы уплыли назад.

– А медальон? Вы знаете, как медальон очутился у меня? – задал Элс мучивший его вопрос.

Марин помолчал и, тщательно подбирая слова, будто был на исповеди, сказал:

– Не знаю, малыш, поймёшь ли ты меня, но ты спросил, и я попытаюсь объяснить, что двигало мной тогда. У меня в то время, как и сейчас, не было семьи. Я был силен и крепок, но становился старым для опасного во всех отношениях своего ремесла. Разбойником я стал по стечению обстоятельств, и разбойное дело изначально тяготило меня. За время пути к Бургобошу я много думал о своей и твоей, в чём-то схожей с моей, судьбах. Мы оба были гонимы обществом и не имели своего дома. Ты и я не знали, что ждёт нас впереди. Я согревал тебя у себя на груди, и ты смягчил моё сердце. Стоя на коленях возле корзины, в которой ты лежал, я пообещал тебе, что когда ты станешь старше, я вернусь из дальнего плавания, оставлю разбойный промысел и возьму тебя к себе. Чтобы узнать и не перепутать тебя ни с кем другим, я надел тебе на шею золотой медальон, а ключик от него завернул в шейный платок и положил в дупло дерева, одиноко росшего у самого берега.

Элс опустил глаза и, ни к кому не обращаясь, попросил:

– Можно я побуду немного один?

Тея с сочувствием произнесла:

– Конечно. Ты имеешь на это право. У Нисы тоже непростая судьба, но, в отличие от тебя, она росла хоть и в неволе, но рядом со своей матерью.

Элс подошёл к борту и стал смотреть в морскую даль. Неожиданно он повернулся и, глядя на Гонтаря, с горечью воскликнул:

– Неужели за эти годы вы не сделали попытку если не найти, то хотя бы проникнуть во дворец и узнать о судьбе увезённого царицей малыша?

Гонтарь с болью в голосе произнёс:

– Сын! Я говорил, что если бы стало известно о твоём появлении во дворце, царице пришлось бы объяснять мужу, откуда ты взялся, да ещё в винном кувшине. И тогда либо нашу семью казнили бы, либо царю пришлось бы изгнать супругу из страны. Разве царица могла допустить, чтобы её со скандалом выгнали из страны, и ей пришлось бы нищенкой скитаться по свету? Конечно, нет. Поэтому мы рассудили, что госпожа сделает всё, чтобы о твоём существовании никто не узнал. А заставить навсегда замолчать свидетелей твоего извлечения из кувшина, очевидно, она смогла. Наводить справки о тебе было опасно, и нам пришлось смириться с твоей пропажей. Не суди меня и мать строго, а постарайся понять и простить. Мы не забывали тебя, хотя и старались не бередить душевные раны разговорами о тебе. Однажды от пришедших в Логопуш странников я узнал, что через пять лет после появления в Бургбоше подкидыша с золотым медальоном на шее на месте города разлилось море, и его жители в одночасье бесследно исчезли. Царь пообещал назначить пожизненное содержание за счёт царской казны тому, кто разгадает загадку этого явления, но я был уверен, что тем подкидышем был ты. Я искал тебя долгих десять лет и наверняка бы погиб, если бы Марин не нашёл меня раненого и не выходил.

– Да, если бы мы случайно не оказались в том месте, тебе пришёл бы конец, – посочувствовал горшечнику Марин. – Но худа без добра не бывает. Кроме тебя, я нашёл тогда ключик от медальона, который надел на шею Элса. Вот он, ключик, – развернул Марин вынутую из кармана тряпицу. Красивый миниатюрный ключик приковал к себе взгляды, и каждый, кто видел его, подумал о том, что связывало его с ним. В этих думах все забыли про Элса, который стоял у борта, и когда он воскликнул: «Учитель!» – от звука его голоса все вздрогнули, а Элс повторил:

– Учитель! Скажите, а как эти люди встретились с вами? Почему вы дали им корабль и разрешили приплыть на ваш остров? Как попал к ним ключик вашей жены?

– О, про ключик – это старая история, которая не имеет к тебе никакого отношения, Элс. Но ты задал вопрос, и с позволения моей дочери и её мужа я поведаю об этом, – решил разрядить обстановку Исей и шутливо рассказал, как у Теи от постоянного смотрения в зеркальце испортился характер, а зять, огорчённый этим фактом, часами сидел в одиночестве на берегу. – И когда Тея решила заполучить медальон, в который можно было бы спрятать коварное зеркальце, любящий страдающий муж, вместо того чтобы разбить предмет раздора, кинулся разыскивать потерянный медальон. Глупая девчонка решила, что муж бросил её, и примчалась ко мне со слезами на глазах жаловаться на свою судьбу. Она так нервно теребила цепочку, на которой висел ключик, что цепочка не выдержала натиска и порвалась. Ключик упал на пол и потерялся бы, если бы я не поднял его. Тея со своим скверным характером дошла до того, что умчалась от меня, даже не попрощавшись. Видите ли, зеркальце осталось дома, а ей оно срочно понадобилось! – морской повелитель с укоризной посмотрел на дочь, которая, вспыхнула от стыда за прошлое своё поведение и закрыла лицо руками.

Зменей обнял жену. Тея всхлипнула и уткнулась лицом в его плечо. Зменей погладил её по плечу. Тея вынула из кармашка зеркальце и протянула мужу.

– На, возьми проклятое зеркальце! Оно принесло нам много неприятностей. Я не хочу больше его видеть.

Зменей отвел её руку и сказал:

– Давай передадим зеркальце Огнею. Он сожжёт его в пламени кузницы, и зеркальце никому не принесёт больше несчастье.

Огней спрятал зеркальце в складках своей одежды и сказал:

– Ещё не пришло время уничтожить его, но когда придёт – мы найдём способ избавиться от зеркала.

Зменей довольно улыбнулся.

– Что ж, судьба зеркальца предрешена. Давайте на время забудем о нём. Я хочу ответить на вопрос Элса. Он спросил, как Марин и его отец встретились со мной, но это не так. Это мне пришлось встретиться с ними. Я выбрал время, когда они сидели у костра и собирались подкрепиться, и в облике старого, в пыльной одежде, утомлённого дорогой странника спустился по горной тропе к ним. Нужно отдать им должное, они уступили мне лучшее место у костра, чтобы я мог обогреться и отдохнуть. Мужчины, как и Элс, поделились со мной поровну своей едой и питьём. Это было благородно с их стороны, если учесть, что еды и питья им было оставлено мало для двух взрослых мужчин. Направляясь к костру, я знал, что Марин и Гонтарь оба, но каждый по отдельности, ищут одного и того же мальчика и собрались вместе продолжить поиск.

– Но они никогда не нашли бы Элса и со временем прекратили бы поиск! – воскликнула Ниса.

– Да, девушка, ты права! Без моей помощи их поиски были бы тщетны, но важное обстоятельство заставило меня помочь им встретиться.

– Какое?

– Подходил к концу пятнадцатилетний срок заклатья, наложенный на медальон. Я не имел права дать Марину уйти с ключиком от него. Кроме этого, с пятнадцатилетием Элса закончился срок его обучения основам магии. Став совершеннолетним, он должен был сделать для себя важный выбор: вернуться к людям в их мир или остаться с нами, магами, и продолжить своё обучение. Но Элс, не зная обычаев и привычек людей, не смог бы без чьей-либо посторонней помощи скоро освоиться в непросто устроенном их мире, и я решил, что лучшими помощниками ему станут его отец и Марин, и дал им всем возможность встретиться. Но это не всё. Сегодня с последним лучом солнца медальон обретёт магическую силу.

Элс взял медальон в руку и посмотрел на него так, будто видел впервые. А Зменей продолжил:

– Элс, пока светило не скрылось за горизонтом, отдай медальон хранителю огня. Ты больше не имеешь права носить его, потому что рождён не в семье магов.

– Учитель! Медальон принадлежал вам, и отдать его я должен вам! – возразил Элс.

– Нет! Медальон теперь принадлежит Огнею.

Элс торопливо стал расстегивать замок цепочки, но от волнения руки его задрожали, и он никак не мог справиться с замком.

– Подожди! Я помогу тебе! – воскликнула Ниса, но Тея остановила её.

Ниса с недоумением посмотрела на мать, а Тея тихо пояснила:

– Элс должен сделать всё сам, без чьей либо помощи.

Наконец Элс справился с волнением и протянул снятую цепочку вместе с медальоном Огнею.

Огней оглядел медальон, провёл пальцем по его контуру и сказал:

– Сомнений нет. Это та вещица, которую почти пятьсот лет назад один из моих предков сделал тайно по заказу предка Исея.

Все с удивлением уставились на Огnea, а тот, довольный произведённым словами эффектом, продолжил:

– Предок Исея, будучи юношей, хотел в день свадьбы преподнести медальон с ключиком своей невесте из рода повелителей змей, но родители были против их брака и решили разлучить влюблённых. Накануне дня разлуки молодые люди тайно встретились и в знак взаимной любви поделили медальон и ключик между собой...

«Мы будем до самой смерти носить у сердца дорогие нам вещицы и вспоминать друг о друге», – сказал юноша, опечаленный разлукой с любимой.

«Да, дорогой! – со слезами на глазах вторила девушка. – Мы и наши потомки, каждый внутри своего рода, будем передавать медальон и ключик из поколения в поколение, пока какая-то пара из рода повелителей змей и морских повелителей не сочтается браком и не соединит их вместе. Это станет традицией в память нашей несостоявшейся любви!»

На прощание влюблённые крепко обнялись. Наутро отец юноши отправил его в дальнее море, а девушку увезли на побережье в одну из резиденций повелителя змей.

– Хм, я думал, что у магов не всё как у людей! – пробормотал Марин и посмотрел по сторонам, но никто на его слова не обратил внимания.

– И что? Юноша и девушка не поцеловались на прощание? – разочарованно протянула Ниса.

– Нет. Их родители узнали бы об этом и расценили бы как нарушение своей воли, и тогда бы влюблённых ждало ещё более суровое наказание, – ответил Огней.

На корабль пало оглушительное молчание. У всех от удивления расширились глаза, а у людей даже открылись рты.

Исей посмотрел на дочь и её мужа, а те, в свою очередь, не мигая смотрели на него.

Первым тишину нарушил Исей.

– Огней! Ты сказал «потомки сочетаются браком». Значит, бракосочетание Теи и Зменея было предрешиено? Ты знаешь, что хранится в медальоне?

– Да! Внутри находится зеркало судьбы. Зеркало хранило портрет юноши и девушки, которые из-за распрей предков не стали мужем и женой до самой их смерти.

– А что не поделили наши предки? – спросил Зменей.

– Море, – ответил Огней. – Только безбрежное море-океан. Когда-то змеиный народ жил на равнине суши, но люди панически боялись змей и начали ловить и истреблять их в таких количествах, что скоро змей почти не осталось. Тогда змеиный повелитель обратился к морскому владыке с просьбой разрешить ему и уцелевшему его народу жить в море. Змей было мало, и морской повелитель, не опасаясь двоевластия, разрешил...

В море змеиный народ жил в безопасности, и со временем змей становилось всё больше. Наконец их стало так много, что морской владыка задумался, не придётся ли вскоре делиться ему властью с повелителем змей? И именно в это время сын его решил жениться на дочери повелителя змей. Но морской владыка был решительно настроен выдворить змеиный народ на сушу и не разрешил сыну жениться на дочери повелителя змей.

Огней посмотрел на Тею и Зменея, помолчал и продолжил:

– Оба повелителя были мудрыми магами и не хотели войны между собой. Они договорились, что повелитель змей уведёт свой народ жить на сушу и в горы, а морской повелитель разрешит им заплывать в реки, озёра и моря, так как змеи привыкли к воде. Морские мастера из сочувствия к девушке и юноше вырезали на крошечных створках перламутровой раковины их портреты. Мой предок вставил створки в изготовленный по просьбе юноши медальон и закрыл специально сделанным ключиком. Мой предок, работая над заказом, наделил створки раковины волшебным свойством и превратил их в зеркало судьбы. После смерти несостоявшихся жениха и невесты изображённые на створках портреты исчезли. Теперь кто посмотрится в зеркало судьбы, увидит на второй створке лицо суженого или суженой.

– А кроме потомков тех молодых людей, кто может открыть медальон? – таинственным шёпотом спросила Ниса.

– Это могут сделать представители рода магов.

Огней протянул медальон и ключик Тее и Зменею, но они попросили его открыть медальон самому. Огней вставил ключик в медальон. Медальон издал мелодичный звук и открылся. Зменей и Тея с волнением заглянули в зеркало судьбы – в перламутровых створках отразились их лица. Медальон передавался из рук в руки, и каждый, кто смотрелся в него, видел себя и свою будущую жену или мужа. Наконец очередь дошла до Элса. С плохо скрываемым волнением он заглянул в медальон и увидел рядом со своим изображением лицо незнакомой девушки с короной на голове.

– Кто это рядом со мной? Я не знаю её! – удивился Элс.

– Эта девушка – будущая твоя жена. Она – твоя судьба, – ответил Огней. – Но она не из магов. Она – человек.

– Как вы это узнали?

– Маги не носят корону на голове. Корона – символ человеческой власти. У магов власть другого вида, их власть – магия и волшебство, – ответил за хранителя огня Зменей. – Тебе самой судьбой предрешено плыть на корабле к людям и устраивать свою жизнь среди них. Корабль готов к отплытию и заберёт вас и Медяна, а нас Огней доставит на колеснице на остров.

– Чтобы восстановить замок? – спросил Элс.

– Нет. На месте острова будет водная гладь, чтобы ничто не напоминало нам о Макусе, – сказал Зменей и обнял подошедшую Тею. – В океане много прекрасных островов, и на одном из них мы построим новый замок, который будет краше прежнего.

Тея мягко высвободилась из объятий мужа, подошла к отцу и с мольбой в голосе попросила:

– Отец! Пусть твои мастера сделают для меня и Зменея мозаичный портрет моей матери в полный рост. Мы возьмём портрет с собой. Он станет главным украшением нового жилища, а когда ты наведишь нас, будем вместе любоваться им.

– Хорошо, Тея! Я не говорил тебе раньше о портрете твоей матери и держал всё в тайне, но теперь могу сказать. Вскоре после твоего рождения я заказал мастерам большой в полный рост мозаичный её портрет. Мастера сделали много набросков и эскизов Морлины, но ни один из них не понравился мне. Она была прекрасной и жизнерадостной, а на портрете получалась непохожей, как будто застывшей. Мастера вчерне изготовили основу портрета, но чтобы вдохнуть в него жизнь, им пришлось долго подбирать в моей сокровищнице драгоценные камни и другие подходящие материалы. Из-за гибели Морлины мастера не завершили работу, но вскоре после твоего и Нисы освобождения из плена они приступили к работе, и портрет скоро будет готов. Когда вы переселитесь в новый замок, я подарю вам портрет и буду часто навещать вас, чтобы побыть вместе с вами.

Огней спешил вернуться в кузницу и заторопил:

– Пора прощаться. Колесница готова к отлёту, а корабль – к отплытию.

Зменей подошёл к Гонтарю и Марину и посмотрел проникающим в сердце взглядом каждому из них в глаза. В свой взгляд он вложил столько тепла и чувства, что мужчины без слов поняли: Зменей от души благодарен им за помощь и поддержку, оказанную в борьбе с дивом. Маг пожелал им доброго пути и удачи и вернулся к Элсу.

– Элс! За десять проведённых вместе лет ты научился умирять стихию и вызывать бурю; узнал всех обитателей моря и суши и умеешь подчинить их своей воле. Я хочу, чтобы ты не забывал мою науку, но предостерегаю – никогда не используй полученные магические знания во вред не только невинным людям, а даже и неразумным тварям. Поначалу будет трудно. Ты не сразу научишься жить среди людей и разбираться в них, различать добро и зло, как люди

понимают это сами. Но ещё труднее будет научиться правильно применять полученные магические знания. Поначалу тобой будет владеть желание с помощью магии наказать человеческое зло и несправедливость, но ты должен победить в себе этот соблазн и применять магические знания только в исключительных случаях, когда есть прямая угроза твоей жизни или жизни дорогих тебе людей. А чтобы поражать противника оружием людей, овладей мастерством боевого искусства, фехтования и владения оружием, всем тем, с помощью чего люди отстаивают свою честь и достоинство. Живя среди людей, тебе нужно войти в их общество и многое перенять от них, ведь люди очень сообразительны и изобретательны. Они всё время придумывают интересные и полезные вещи и предметы, которые мы, волшебники, можем делать только с помощью магии. Я попрошу Медяна первое время пожить рядом с тобой и помочь тебе войти в общество. А твой отец и Марин, уверен, помогут быстрее усвоить обычаи людей и привыкнуть к новой жизни.

– И мы больше не встретимся с вами, учитель? – голос Элса дрогнул.

– Если судьбе будет угодно – встретимся, – пообещал Зменей.

Огней, ожидавший в стороне, подошёл к ним и сказал:

– Зменей! Будет справедливо, если Элс вместо медальона, который он носил пятнадцать лет, получит знак принадлежности к младшим магам, по которому любой из нас узнает его.

С этими словами он сжал золотую цепочку Теи, на которой раньше висел ключик, в кулаке, и когда разжал кулак, на ладони его лежал прекрасный амулет в виде спящей змейки.

Ниса сняла с шеи золотую цепочку и протянула Элсу.

– Возьми на память о нас и носи вместе с амулетом. Они принесут тебе счастье и удачу!

Элс с благодарностью принял из рук Нисы и Огnea драгоценные вещицы.

Исей не отстал от других и сказал, что преподнесёт подарок Элсу, Гонтарю и Марину.

– Они заслужили это. Я подарю каждому из них по сундуку превосходной добротной одежды. Платье Марина и Гонтаря пришло в негодность, и появиться на берегу им в таком виде – значит привлечь к себе лишнее внимание и подозрения. Я пошлю моих слуг – морские волны – за сундуками, а дельфины доставят их на корабль.

– Отец, подождите! – вскричала Тея. – Я тоже хочу сделать подарок людям, которые помогли нам встретиться. Дайте им из моей части сокровищницы по большой шкатулке с драгоценностями и золотыми монетами. Люди по-своему сражались вместе с нами с Макусом. В наших владениях они могут рассчитывать на нашу помощь, но там, на берегу, должны надеяться только на самих себя. На пути им может встретиться злой человек. Прошу, отец, от своего имени и от имени мужа: дайте им из вашей кладовой оружие для самообороны.

– Ты права, Тея! Я выполню твою просьбу, – согласился Исей, и дельфины в знакомой уже лодочке доставили подарки к кораблю. Мужчины подняли сундуки на борт, и Зменей сказал:

– Элс! Я учил и воспитывал тебя как приёмного сына и благодарен Марину, что в твоём лице он подарил мне ученика. Теперь вы вместе вернётесь к людям, среди которых вам надо жить, не возбуждая зависти и кривотолков. Я долго думал, что бы такое полезное и одновременно естественное с точки зрения людей подарить вам, и решил подарить свой корабль. Родной отец, пока жива бросившая тебя младенцем в реку царица, не сможет признать тебя законным сыном. Пусть люди думают, что Марин – купец, приплывший из заморской страны, а ты – его названный сын. Звание купца будет Марину своего рода охранной грамотой. Медяна я попрошу выступить в роли твоего наставника...

Лицо Марина стало озабоченным.

Зменей поинтересовался, чем он озабочен?

– Меня волнует, что по прибытию в Верланию на корабле кроме нас четверых не будет команды матросов, а нам придётся швартоваться в реальном порту, – ответил Марин. – Никто

не поверит, что вчетвером в течение всего плавания мы управлялись с парусами и выполняли матросские дела. Да и швартовка – дело не простое. Для неё нужны люди.

– Зменей, а он ведь прав! – воскликнул Исей. – Нужно послать на корабль команду надёжных небоглых матросов.

– Кого вы имеете в виду?

– Своих помощников – дельфинов! Ты напустишь на дельфинов чары, и до поры до времени они будут иметь облик людей. Когда надобность в зачарованных матросах отпадёт, Элс отпустит их домой. У Марина будет достаточно времени обучить дельфинов простейшим морским командам и работам, а швартоваться и спускать паруса людям придётся самим. Марин, вам нравится моя идея? – довольным голосом спросил Исей.

– Думаю, при таком раскладе у нас не возникнет проблем, но корабль, кроме экипажа, должен иметь флаг страны, к гавани которой он приписан. Если я буду выдавать себя за иностранного купца, то какой страны? В приморских портовых городах все корабли наперечёт.

Деловой практичный вопрос бывшего разбойника заставил всех задуматься.

– Давайте скажем, что мы приплыли из Морелании, – скромно нарушил молчание Элс.

– А флагом корабля будет дельфин на морской волне! – предложила Ниса.

– Что ж, предложение дельное. Как правитель Морелании я согласен. Приписанные к Морелании корабли никогда не заходили ни в один порт, и вам будет легко легализоваться, – сказал Зменей и со значением посмотрел на дочь. Ниса понимающе кивнула и тихо что-то шепнула деду на ухо.

– Как я сразу не сообразил! Сейчас всё будет исполнено! – так же тихо ответил Исей и подошёл к борту. К кораблю устремилась высокая волна с пенным гребнем наверху. Один из дельфинов выпрыгнул из воды и застыл вместе с гребнем, как полотно, в воздухе. Исей передал полотно Элсу и попросил отпустить дельфина и волну назад в море, когда будет изготовлен настоящий флаг. Элс пообещал, и Марин водрузил флаг на бушприте.

У магов не принято долго прощаться. Все слова были сказаны, и ничто больше не мешало волшебному кораблю отплыть от острова. Попутный ветер наполнил паруса, и корабль устремился к берегам далёкой страны Верлании.

Летучая колесница Огня вместе с магами взяла курс к острову...

Медян стоял на баке корабля. Лёгкий ветерок приятно освежал его лицо, и он думал: «Какое счастье, что судьба свела меня со Зменеем и он избавил меня от дива и вернул человеческий облик! С каждой милей я приближаюсь к тайному жилищу повелителя. Жаль, что по прибытию в Верланию я не смогу предстать перед ним, пока не выполню просьбу его сына. – На лице Медяна появилось озабоченное выражение. – «Скоро мне и Элсу предстоит жить в мире людей, а мы не знаем их обычаи и привычки. Конечно, Марин и Гонтарь помогут нам быстро освоиться в сложно устроенном их мире, но справлюсь ли я со своей миссией?»

Эта мысль волновала Медяна, и он был рад, что никто не мешает ему думать об этом.

Марин сидел на бухте запасных канатов и с интересом рассматривал подаренное магами оружие, изредка посматривая на стоящего у бушприта Медяна. Он никак не мог вспомнить, где видел этого человека раньше, а в том, что раньше они встречались, и лицо Медяна ему знакомо, Марин не сомневался.

Медян давно чувствовал на себе его взгляды, но, занятый своими мыслями, не спешил обернуться. Марин не выдержал напряжения воспоминаний и окликнул:

– Эй, дружище! Мы с тобой раньше нигде не встречались?

Медян, не оборачиваясь, отрицательно покачал головой.

Марин в недоумении пожал плечами, отложил оружие в сторону и подумал: «Почему лицо его мне знакомо?! Или Медян похож на кого-то? Но на кого?» – и, скорее для себя, вслух произнёс:

– Нет! Готов биться об заклад, что не мог ошибиться и видел его где-то в море! Но где? – Пытаясь вспомнить, Марин крепко задумался, но в памяти словно образовался провал, и, занятый воспоминаниями, он не заметил подошедшего Гонтаря.

– О чём задумался? Думаешь, как дороже сбыть подарок? – шутливо спросил горшечник, разглядывая дивной работы кинжал и ножны к нему в руках Марина.

Марин с неудовольствием взглянул на него.

– Эх! Если бы ты не был отцом моего подкидыша, за такие слова я так бы врезал тебе... – зло бросил Марин, не приняв шутки Гонтаря, и в сердцах сплюнул за борт. – Хотя, что с тебя, сухопутного, взять. Знаешь ли ты, что за этот кинжал любой разбойник отвалит такую долю добычи, что можно неделю с компанией из десяти гуляк кутить в кабаке, и им ещё на опохмел останется?!

– Прости! Я не хотел обидеть тебя, – примирительно сказал Гонтарь. – Я искал тебя. Увидел озабоченное твоё лицо и решил шуткой отвлечь от дум. Но шутка не удалась.

– Ладно! Извинение принято, – буркнул Марин. – Впредь с людьми моей – хоть и бывшей профессии – больше так не шути. Зачем искал?

– Хотел спросить, не пора ли подумать о еде? До берега, наверное, ещё далеко, а подкрепиться хочется. Ты хочешь есть?

Марин тоже проголодался, но за разглядыванием подарка магов и воспоминаниями на время позабыл о голоде. Упоминание о еде вызвало в пустом его желудке спазм, и он воскликнул:

– Ха! Вот тебе и маги! Подарков надарили, а еду в дорогу дать забыли. Сейчас что-нибудь придумаем, – посмотрел по сторонам в поисках какой-нибудь рыбацкой снасти, но ничего поблизости не увидел. Вложил кинжал в ножны и, вставая с места, добавил. – Оставайся здесь, а я поброжу по судну. Может, найду что-нибудь подходящее для ловли рыбы или хотя бы из чего можно сделать удочку.

Гонтарь в ожидании Марина решил подремать. Сел на палубу, опёрся спиной на бухту канатов, широко зевнул и закрыл глаза. Но вскоре раздался рядом с ним недовольный голос Марина:

– До чего непрактичный народ эти маги! Я облазил весь корабль, но ничего путного не нашёл.

Гонтарь открыл глаза.

Марин опустился рядом с ним.

– Интересно, маги вообще едят что-нибудь? А если едят, то где берут разнообразные продукты, которыми кормили нас на острове, и на чём их готовят? – задал Марин вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь, приподнял бровь и пристально посмотрел на стоящего спиной к ним Медяна. Медян почувствовал на себе очередной его взгляд и усмехнулся. Подавив улыбку, с серьёзным лицом он повернулся к людям и, как ни в чём ни бывало, спросил:

– Наверное, вы проголодались и хотите немного поесть?

– Хотите?! Немного поесть?! – передразнил его Марин и шутливо прорычал:

– Да я так голоден, что могу слопать всех обитателей моря сырыми и без соли!

– Ну, не всех, а хотя бы одного из них, и желательно покрупнее, – стараясь быть более скромным в запросах, сказал Гонтарь.

– О, простите, пожалуйста! – раздался за их спинами голос Элса, до того сидевшего на марсовой площадке и высматривавшего в неоглядной морской дали какие-нибудь признаки берега. Не пользуясь верёвочными лестничными перекладинами, он соскользнул вниз по свисавшему до самой палубы канату. – Это моя вина. Я увлёкся разглядыванием приближающейся земли и совсем позабыл о своих обязанностях.

Мужчины бросились к борту в надежде увидеть долгожданный берег, но Элс остановил их.

– Я видел далеко впереди землю, но это был остров. Корабль не подойдёт к нему, и потому я немедленно исправлю свою оплошность и с помощью Медяна накормлю нас вкусным обедом. С этими словами Элс подошёл к борту и, что-то шепча, протянул руки ладонями вниз. На каждый взмах его кисти из морской глубины выскакивали большие серебристые рыбы и мягко шлёпались на палубу возле ног необычного рыбака. Когда рыб набралось достаточное количество, Элс скрестил руки, и небольшая черепаха звонко плюхнулась поверх рыб.

Марин и Гонтарь с открытыми от удивления ртами смотрели на такую рыбалку.

– Здорово! – восторженно произнёс Гонтарь.

– Теперь понятно, почему я не нашёл на корабле рыбачьих снастей. Магам они ни к чему, – в изумлении развёл руками Марин.

Медян расстелил на рундуке с инструментами чистый кусок парусины и обратился к мужчинам:

– Разрешите и мне удивить вас.

– Валяй! Удивляй! – разрешил Марин.

Медян хитро подмигнул Элсу и с помощью магии стал поднимать рыбин вверх. Рыбы, сверкая в лучах солнца чешуёй, переворачиваясь в воздухе, покрывались золотистой корочкой и плавно опускались на импровизированную скатерть. Когда зажарены были все рыбы, подошла очередь черепахи.

Гонтарь метнулся к Медяну:

– Пожалуйста, не жарь черепашку! Оставьте её в живых!

В глазах Медяна застыл вопрос.

Гонтарь просительно посмотрел на сына и попросил:

– В нашем городе черепахи – большая редкость. Только очень богатые люди могут позволить себе держать их в своём доме. Разрешите, я привезу живую черепаху в подарок моим детям и жене.

Возникло неловкое молчание. Гонтарь понял, что допустил непростительную для себя оплошность, отделив найденного с таким трудом первенца от двух других своих детей. Лицо его вспыхнуло и, глядя на Элса, дрогнувшим голосом он произнёс:

– Сын, прости! Я хотел сказать – привезти черепаху для твоей матери и младшим твоим брату и сестре.

В глазах Гонтаря блеснули слёзы. Но какое чувство вызвало их? Сожаление? Раскаяние? Досада? На этот вопрос он и сам не смог бы ответить себе.

Элс с жалостью посмотрел на него и мягко сказал:

– Я понимаю, вам, как и мне, после стольких лет разлуки не просто привыкнуть к мысли, что мы – сын и отец. Учитель сказал, что в своей стране вы не сможете признать меня законным сыном, и будет лучше, если названным моим отцом станет ваш спутник, к обществу которого я должен привыкнуть. Не корите себя за невольно вырвавшуюся фразу. Я не в обиде на вас за эти слова.

Марин ободряюще подмигнул Гонтарю и мечтательно произнёс:

– Когда приплывём в Верланию, мы с Элсом купим неподалёку от вас дом и, чтобы ни у кого не возникло подозрения, станем ходить друг к другу в гости. А потом я куплю корабль, обучу Элса искусству мореплавания, и со временем он станет настоящим морским волком. А если Элс пожелает, при таком умении ловить рыбу он сможет стать преуспевающим рыбопромышленником...

– Извините! Я должен предупредить, что никто из обычных людей не должен знать о моих и Элса необычных способностях! – вмешался в разговор Медян. – Поэтому идею о магической рыбалке как способе заработка советую вам оставить.

– И помечтать нельзя! – буркнул Марин. – Раз рыбачить нельзя – не станем заниматься этим промыслом, но морскому делу я Элса обучу – слово бывшего разбойника! – пообещал он.

Над кораблём раздались пронзительные крики чаек. Чайки стремительно падали вниз, выхватывая мелкую рыбёшку из воды и отлетали в сторону.

Мужчины бросились к борту. Элс вскарабкался по вантам на марсовую площадку и радостно закричал:

– Земля! Я вижу берег земли и парусники на воде!

Корабль быстро приближался к конечной цели пути, и вскоре стоящие у борта мужчины смогли отчетливо всё разглядеть.

– Похоже, это морской пригород столицы Верлании! – неуверенно произнёс Марин. Чтобы лучше рассмотреть очертания городка, он прикрыл глаза рукой от слепящего солнца и через минуту обрадовано воскликнул:

– Конечно – это Лонион! Прибрежную его крепость на скалистом мысу у входа в порт невозможно спутать ни с какой другой портовой крепостью.

Вздых радости вырвался из груди Гонтаря.

– Наконец-то я скоро буду дома! – прошептал он, и его глаза увлажнились.

«Что готовит мне эта земля?» – подумал каждый, вглядываясь в очертания Лониона, в порту которого предстояло им швартоваться.

– О! – воскликнул Марин, хлопнув себя по лбу. – Позабыл сказать, что Элсу нужно придумать другое имя, каким мы станем называть его на берегу. Его магическое имя будет резать слух обывателя.

– Какое имя дала при рождении мне мать? – спросил Элс Гонтаря.

– Мирдан, – ответил Гонтарь и перевёл взгляд на Медяна. – Нам всем придётся обращаться друг к другу по именам, заводить новые знакомства и вести дела. Как вам хочется, чтобы мы вас называли?

– Можете называть меня, как вам будет угодно, чтобы это не резало слух верланцев. Но, размышляя о работе наставника, я уже задумывался об этом. Предлагаю называть меня Юрис, если, конечно, нет возражений.

Возражений не последовало.

– Корабль скоро войдёт в акваторию порта. Команда матросов должна занять свои места, а их всё ещё нет, – заволновался Марин, и тут Элс с марсовой площадки с криком: «Смотрите! Справа по борту дельфины! Они спешат к нам!» соскользнул по канату на палубу.

Марин перекинул через борт верёвочную лестницу, и десять новоявленных, с молодежатым видом и бравой выправкой матросов скоро стояли навтыжку перед ним.

Юрис довольным голосом велел:

– Капитан Марин! Принимайте прибывших матросов под своё командование и объясните им их действия при швартовке корабля.

Марин придирчиво осмотрел экипировку дельфинов-матросов и, не найдя в ней изъянов, сказал:

– Самое главное, ребята, – не мешайте нам при швартовке и не суетитесь на палубе. А теперь слушайте и запоминайте свои судовые роли.

Пока Марин проводил инструктаж, Мирдан поднял флаг Морелании.

– Как вы назовёте корабль? – спросил Юрис у Марина, когда тот отдал матросам команду «Занять свои места!»

– Об этом я не подумал! Обычные корабли чаще носят женские имена, но наш корабль волшебный, и имя у него должно быть необычное и красивое.

– Давайте назовём корабль «Морская королева»! – предложил Элс.

– Что ж! «Морская королева» – необычно и красиво. С этого момента корабль будет ходить в море под этим именем, – сказал Юрис, и на борту появилось одобренное всеми название.

«Морская королева» красиво, даже величественно вошла в акваторию порта, миновала прибрежную, возвышающуюся на скалистом мысу крепость и направилась к одному из пирсов, где под флажком цвета государственного штандарта Верлании её ждали представители портовых властей. Выстрел пушки с крепостной башни известил горожан о прибытии в порт нового судна. Под восхищённые взгляды находившихся в порту людей корабль ловко притёрся к стенке пирса. Марин с Гонтарем, Элсом и Медяном сбросили на пирс швартовые канаты. Трое парней из местной причальной команды закрепили канаты на кнехтах. Чтобы никто не заподозрил никакой магии, люди под руководством Марина спустили и закрепили паруса. Таможенные формальности были простыми и необременительными. Марин по совету магов назвалсся купцом и владельцем «Морской королевы», желающим с названным сыном Мирданом и его наставником Юрисом обосноваться в Верлании. Как только он сказал, что заплатит сбор за год вперёд, у представителей местных властей вопросов к прибывшим больше не осталось.

Носильщики наперегонки бросились к богатому кораблю, чтобы с разрешения капитана перенести на берег багаж пассажиров, и столпились вокруг спущенного на пирс трапа. Несколько повозок выстроились в очередь чуть поодаль. Кучеры в ожидании пассажиров незлобиво перебранивались между собой. Вездесущие портовые бездельники, как и прочая праздно шатающаяся публика, вытянув шеи, пытались рассмотреть пассажиров корабля, но каково было их удивление, когда по трапу на пирс спустились только четыре богато одетых человека. Других желающих сойти на берег видно не было. Команда корабля осталась на борту. Разочарованные зеваки, перешептываясь между собой, неохотно разошлись по своим делам. Носильщики и извозчики, недовольно ворча, отправились на другие причалы ожидать прихода иных судов...

В царском дворце до исхода того же дня стало известно, что в порт Лониона пришёл богатый корабль. И это не удивительно, Благоград – большой красивый столичный город Верлании – отстоял от портового городка на расстояние в чуть больше двух часов пешего пути.

Скучающая, давно уже не молодая, но такая же энергичная и деятельная, как пятнадцать лет тому назад, царица попросила супруга устроить во дворце приём для состоятельных пассажиров прибывшего корабля.

Царь, не желая огорчить жену, согласился. Из доноса соглядатая он знал, что среди прибывших иностранцев находится молодой красивый богатый юноша, и решил сделать жене и дочери сюрприз, назначив, к неописуемому их восторгу, после приёма бал. Царица на радостях велела писарям заготовить для знатных верланцев приглашения, а сама занялась подготовкой к предстоящему празднику и обсуждением с портнихами фасонов новых нарядов для себя и дочери.

Гонтарь в сопровождении сына, Марина и Медяна шёл к своему дому. После долгой разлуки с женой и детьми ему хотелось бежать к ним, но приходилось сдерживать шаг, чтобы спутники не заметили его нетерпение. Чем ближе подходил Гонтарь к дому, тем чаще бросал взволнованные взгляды на повзрослевшего первенца. От волнения сердце его болезненно сжалось, и руки непроизвольно начали дрожать.

Медян и Марин шли следом и с любопытством рассматривали городские здания, вывески над магазинчиками и лавочками и встречающихся на пути горожан, среди которых им предстояло некоторое время жить. Элс ничего этого не замечал. Его мысли будоражила предстоящая встреча с родной матерью, которую по роковому для себя стечению обстоятельств он так и не узнал. О брате и сестре он старался не думать.

Гонтарь подождал сына и сказал:

– Вот на этом месте сломалось колесо кареты царицы в день, когда она случайно увезла тебя в винном кувшине из нашего дома.

Эти слова вывели Элса из задумчивости, и он не то воскликнул, не то попросил:

– Значит, где-то рядом моя мать?! Позвольте я попробую найти наш дом.

– Хорошо. Попробуй! – согласился Гонтарь и в волнении отступил назад.

Элс окинул взглядом почти одинаковые, прилепившиеся друг к другу аккуратные домики. При виде одного из них сердце его гулко застучало – на подоконнике вперемешку стояла расписанная яркими красками глиняная утварь. Но не роспись заставила сильнее биться его сердце – в окно на улицу с редкими прохожими с отсутствующим видом глядела миловидная румянощёкая, не старая ещё горожанка. В ожидании покупателя она с равнодушным видом смотрела на проходящих мимо дома горожан, как вдруг встретила взглядом с юношей, остановившимся в окружении троих нарядно одетых мужчин. Женщина вздрогнула, побледнела, прижала руки к груди и сорвалась с места, и Элс глухим от волнения голосом сказал:

– Вон в том доме я родился. Там моя мать.

В этот момент дверь дома открылась. Женщина остановилась на пороге. Силы покинули её, и она прислонилась к косяку двери. Гонтарь бросился к жене и с тревогой в голосе воскликнул:

– Ликея! Дорогая! Не волнуйся! Я вернулся! Видишь, я живой и здоровый! – взял похолодевшие руки жены в свои ладони и с нежностью заглянул в её побледневшее лицо.

Ликея скользнула взглядом по лицу мужа, остановила взгляд на лице юноши, стоявшего чуть поода, и подалась вперёд. Гонтарь удержал её на месте, обеспокоенно обернулся на своих спутников и, стараясь успокоить разволновавшуюся жену, быстро заговорил:

– Милая, знакомься – это новые мои друзья! Их корабль направлялся в Лонион, и они были так добры, что согласились взять меня с собой... Теперь я дома, рядом с тобой, моя дорогая! – Гонтарь переводил тревожный взгляд с жены на спутников, всем своим видом взывая к их помощи.

Юрис галантно поклонился Ликее и, коверкая на иностранный манер слова, сказал:

– Извините! Ваш супруг так взволнован возвращением домой и встречей с вами, что забыл представить нас. Уважаемая хозяйка дома, разрешите наперёд узнать, как мы должны к вам обращаться?

– Ликея! – еле слышно назвалась горшечница, но Юрис услышал её и учтиво попросил:

– Уважаемая Ликея, разрешите представиться вам самому и представить спутников вашего супруга.

Ликея вежливо улыбнулась.

У Гонтаря отлегло от сердца, и он с благодарностью посмотрел на Медяна.

– Меня зовут Юрис, – сказал Медян и кашлянул, как если бы у него запершило в горле. – Я наставник этого молодого человека. А это – купец из Морелании. Он совершает кругосветное путешествие и наслышан, что на верланских верфях работают лучшие мастера корабельного дела. Купец намерен на некоторое время остановиться в вашем городке и договориться с корабелями о постройке для себя нескольких торговых судов. Для успешной торговли ему нужно много торговых кораблей. Его сын достаточно взрослый, и купец хочет взять сына в своё дело. Ваш супруг сказал, что в Логопуше можно недорого купить хороший дом, где они могли бы при желании остановиться. Купец первое время будет лично наблюдать за закладкой кораблей, но позже приедет его доверенное лицо, чтобы следить за дальнейшей постройкой судов, а купец и его сын отправятся дальше.

Медян сознательно не назвал имена Элса и Марина и их статус по отношению друг к другу, тем самым давая Гонтарю время на раздумье и возможность сделать это самому, но Гонтарь в испуганной растерянности молчал. Он не понимал, что, не сказав жене, что Элс – найденный им их первенец, тем самым отрезает себе путь к признанию.

Со стороны могло показаться, что Ликея внимательно слушает Юриса, но на самом деле она не слышала его слов. Она не сводила ищущего взгляда с лица Элса. Материнское сердце

подсказывало Ликее, что этот юноша – пропавший много лет назад её первенец, но она ничем не могла доказать это, полагая, что муж в первую очередь сказал бы ей о найденном сыне.

– Извините, пожалуйста! – слабым голосом попросила она. – Мужа долго не было дома. Я очень переживала за него, а увидев разволновалась. Теперь всё в порядке. Проходите в дом, подкрепитесь и отдохните с дороги. Неподалёку от нас продаётся дом. Муж проводит вас к его владельцу, но независимо от сделки вы всегда будете желанными гостями в нашем доме. Жаль, детей нет дома. Во дворце идут приготовления к празднику, и сын с дочерью ушли собирать цветы для живых гирлянд. Вы можете познакомиться с ними позже. Вы придёте навестить нас или попрощаться перед отъездом? – Ликейя взглянула на Элса, и голос её дрогнул.

Марин прижал руку к сердцу и учтиво, коверкая, как и Юрис, слова сказал:

– Спасибо за приглашение, но мы не смеем беспокоить вас в такой день. Укажите приметы продающегося дома. Мы сами отыщем его.

Гонтарь на продолжении их визита не настаивал и молча ждал, когда Ликейя объяснит, как найти выставленный на продажу дом.

Элс вместе с мужчинами ушёл.

Гонтарь взял не пришедшую в себя жену под локоть, завёл её в дом, усадил на стул и плотно задёрнул занавески на окне. Ликейя безучастно сидела на стуле, мысленно переживая потерю первенца, и, как много лет назад, не могла ничего с этим поделать. Она закрыла лицо руками и от бессилия заплакала. Гонтарь не понял причины горестных слёз жены и погладил в утешение её плечо.

«Станный народ женщины. Ликейя давно смирилась с потерей первенца, хотя в душе, наверное, все эти годы надеялась, что я разыщу его. Но я вернулся и сохранил тайну о нём. Наверное, она плачет от радости моего возвращения», – так подумал Гонтарь, не сподобившись узнать о причине слёз у самой Ликейи...

Марин и Элс тем временем оформили покупку скромного дома неподалёку от городской ратуши. Слух о поселившемся в Лонионе богатом иноземном купце со взрослым названным сыном и его наставником быстро распространился среди горожан, и царскому курьеру не составило труда отыскать их дом и вручить приглашение во дворец на бал.

Царское приглашение повергло Марину в растерянность, и первым его желанием было под любым благовидным предлогом отказаться от визита, но Юрис вовремя вмешался, и приглашение было принято в самых учтивых выражениях благодарности царствующей чете за проявленное к ним внимание.

Элс и Марин никогда не были на светских мероприятиях и сильно волновались. Они решили последовать совету Юриса и под видом иностранцев, плохо говорящих, а ещё хуже понимающих местный язык, первое время держаться в стороне и наблюдать за действиями и поведением остальных приглашённых гостей. Юрис просмотрел в доставленных с корабля сундуках подаренную магами одежду и подобрал наиболее подходящую, по его мнению, для такого случая. Марин облачился в парадный костюм и с отвращением посмотрел на своё отражение в большом напольном зеркале.

– Посмотрите на меня такого! Вырядился, как павлин! – забрюзжал он. – Хорошо, никто из бывших подельников не видит меня. Иначе меня подняли бы на смех и затравили такими шутками, от которых одно спасение – камень на шею, и в воду.

В столь непривычном для себя облачении он чувствовал себя скверно. Кружевная манишка повергла бывшего разбойника в такое смятение, что Юрису пришлось пустить в ход всё своё красноречие, чтобы убедить Марину принести себя в жертву дворцовому этикету и не создавать своим упрямством препятствие для входа Элса в высший свет. Последний довод подействовал на Марину сильнее всего, и, скрепя сердце, он смирился.

Пока мужчины пререкались между собой, Элс в своей комнате оделся в выбранную для него Юрисом светскую одежду. Он хотел спрятать подаренный магами медальон под кружевной рубашкой, но волна воспоминаний захлестнула его. Элс остро ощутил душевную боль от разлуки с учителем, зажал в кулаке медальон – знак младшего мага – и с грустью подумал: «Неужели я никогда с ним больше не встречу?» И, словно в ответ, рядом с ним прозвучал знакомый голос: «Встретимся, Элс, если судьбе станет угодно».

Юноша оглянулся, ожидая увидеть Зменея, но рядом никого не было.

– Да! Так сказал учитель при расставании. Став в мире людей Мирданом, я буду верить в нашу с ним встречу! – сказал Элс сам себе.

– Мирдан, пора ехать! Приглашённые не должны опаздывать. Ты готов? Мы ждём тебя! – услышал он голос Юриса и, не взглянув на себя в зеркало, направился в гостиную.

Марин и Юрис с восхищением посмотрели на него.

Марин присвистнул, а Юрис со всех сторон оглядел своего подопечного и одобрительно сказал:

– Мирдан! Ты великолепен в светском костюме! Ты носишь его так, будто с самого детства ходишь в такой одежде!

И действительно, мужчинам было чем восхититься. Камзол цвета глубокой морской волны, белоснежная кружевная рубашка и сочного зелёного цвета штаны так удачно гармонировали с тёмными волосами и голубыми глазами Мирдана, что от него нельзя было отвести глаз. Высокие чёрные ботинки плотно сидели на ногах. От осанки Мирдана веяло силой молодости, и он был так строен и грациозно величествен, что самый притязательный скульптор не нашёл бы в его фигуре изъяна...

За окном послышался стук колёс.

Юрис выглянул в окно.

– Пора ехать во дворец, – сказал он и вышел на улицу. Следом вышли Мирдан и Марин. Возле дома стояла запряжённая четвёркой буланых коней карета с возницей на передке.

Марин шёпотом спросил у Юриса, не ошибся ли возница с адресом?

– Нет. Он приехал куда нужно, – так же тихо ответил Юрис. – Мы поедем на этой карете во дворец и на ней же вернёмся домой. Я хорошо заплатил вознице, и карета до завтрашнего дня в нашем распоряжении.

Возница открыл дверцу и услужливо откинул подножку.

Мирдан сел в карету. Следом за ним места заняли Марин и Юрис.

– Почему мы не едем? – удивился Мирдан.

– О! Я забыл! – воскликнул Юрис и скомандовал вознице:

– Любезный, трогай!

Возница шевельнул поводья, и кони резво взяли с места.

Ко дворцу со всех сторон спешили великолепные экипажи и запряжённые разномастными лошадьми кареты.

Мирдан сидел у окна и любовался окружающим пейзажем. Особенно ему понравились яркие порхающие над луговыми цветами бабочки. На острове Зменея бабочки не водились, и он захотел поймать одну из них. В ответ на выраженное желание Марин усмехнулся и из чувства такта не стал говорить, что ловлей бабочек занимаются маленькие дети, а вид бегающего за летающими красавицами юноши вызовет у окружающих недоумение, и репутация Мирдана может серьёзно пострадать. Юрис, в отличие от него, не смолчал и назидательно произнёс:

– Сейчас не время ловить бабочек. Это занятие отнимет уйму времени, а нам важно не опоздать к началу приёма.

Мирдан вздохнул и оставшуюся дорогу молча смотрел в окно.

Наконец карета въехала в заполненный ранее прибывшими экипажами дворцовый двор и остановилась. Подбежавший слуга услужливо распахнул дверцу кареты и опустил подножку.

Мирдан, Марин и Юрис вышли из кареты. Неподалёку от парадной лестницы парами прогуливались степенные дамы в пышных платьях. Их шляпки и шляпы украшали страусовые перья и розетки цветов. В стороне от дам отдельными группами стояли строго одетые мужчины и вели промеж себя неторопливую беседу. Молодые люди и девушки в ярких разноцветных платьях весело приветствовали друг друга и со смехом что-то обсуждали. Затеиливые причёски девушек украшали яркие ленты и драгоценные камни.

– Мирдан, тебе не кажется, что здешние девушки похожи на бабочек? – тихо спросил Марин и подтолкнул вперёд зардевшегося от его слов юношу. – Интересно, какая из них будет твоя?

Громкий говор и смех во дворе стихли. Взгляды ожидающих приёма гостей устремились на со вкусом одетого в богатую одежду юношу и сопровождавших его не менее роскошно одетых двух мужчин.

Девушки зашушукались. Кто-то из них стал бросать на Мирдана призывные кокетливые взгляды, в то время как другие девушки стыдливо прикрыли лица веерами. Дамы зашептались. Мужчины, глядя на статную фигуру Мирдана, одобрительно кивали головами, и только их сыновья ревниво смотрели на него. Они почувствовали в Мирдане соперника и затаили злость, потому что знали, что Их Величества присматривают для своей дочери жениха.

Во время описываемых событий царевна в ожидании приглашения одеваться в парадное платье стояла у окна и с любопытством разглядывала наряды и причёски девушек. Не заметив никого, на ком наряд был бы лучше её бального платья, она с не меньшим любопытством начала рассматривать прибывших молодых людей, один из которых вскоре мог стать её женихом. Вдруг взгляд её упал на юношу, вышедшего из запряжённой четвёркой буланых коней кареты.

Царевна вздрогнула. Сердце её учащённо забилося. Замерев на месте, она смотрела на Мирдана и не сразу услышала, как служанка окликнула её. Царевна недовольно обернулась, не понимая, зачем та зовет её. За спиной служанки стояли две другие служанки с бальным платьем на руках.

Царевна вспомнила о приёме и заторопила:

– Что вы такие медлительные?! Быстро одевайте и причёсывайте меня. Скоро зайдёт матушка и будет недовольна, что я не готова.

Сгорая от нетерпения поскорее узнать о заинтересовавшем её юноше, царевна стала помогать служанкам в одевании, но вместо помощи только мешала им...

В комнату вошла царица. При виде не готовой к выходу дочери она грозно посмотрела на суетившихся служанок.

– Нерасторопные дуры! Вам на кухне кур ошипывать, а не царевну одевать! – напустилась она на задрожавших от страха служанок, схватила со столика шёлковую перчатку, чтобы кинуть её в одну из них, но передумала и нервно велела:

– Быстро заканчивайте туалет Миланы. Я придумаю для каждой из вас наказание и. – царица не успела закончить фразу, как к ней подбежала Милана и припала к её руке.

– Матушка, не сердитесь! Это я виновата, что не собрана до сих пор! – вступилась по доброте душевной Милана за неповинных прислужниц. – Я засмотрелась на гостей и пропустила отведённое для одевания время. Прошу, не наказывайте служанок!

– Хорошо, милая! Раз ты просишь – я прощу негодниц, но если такое повторится. – смирлостивилась царица и сердито посмотрела на сжавшихся под её взглядом служанок, швырнула перчатку в кресло и направилась к окну.

Служанки испуганными глазами следили за ней.

Царица обернулась и прикрикнула:

– Что застыли, как мумии?! Немедленно одевайте Милану! Скоро наш выход к гостям! – и выглянула в окно.

Гости чинно поднимались по украшенной цветочными гирляндами парадной лестнице. Мужья вели под руку жён. Взрослые дети шли позади родителей. Кавалеры сопровождали дам. Царице это было настолько привычно, что она лишь краем глаза наблюдала за процессией, отмечая для себя новые женские наряды, которые в данный момент интересовали её больше всего. Вдруг её внимание привлёк шедший в сопровождении двух мужчин юноша, резко выделявшийся среди прочих молодых людей статной фигурой и красивыми чертами лица. Царица усмехнулась, украдкой взглянула на дочь, на голову которой служанка прикалывала диадему, и подумала: «Вот на каких гостей засмотрелась Милана. Немудрено, что она пропустила время одевания. Наверное, это те самые люди, которые приплыли на корабле с красивым названием «Морская королева». Юноша мог бы стать выгодной во всех отношениях парой для Миланы. Нужно как можно больше узнать о нём и его спутниках». С этой мыслью царица придирчиво осмотрела наряд дочери. Не найдя в нём изъянов, она взмахом руки отпустила служанок и, когда за последней из них закрылась дверь, улыбнулась дочери:

– Дорогая, как всегда, ты будешь самая красивая девушка на балу! Я видела наряды приглашённых дам и девушек. Твоё платье лучшее. На балу будет много молодых людей из знатных и богатых семей. Мы с твоим отцом хотим, чтобы ты сама выбрала из них для себя пару.

Слова матери смутили Милану, и она стыдливо опустила глаза. Мать ласково потрепала её по щеке и подтолкнула к выходу из комнаты...

Зал приёмов был залит ярким светом от множества зажжённых восковых свечей, но ещё ярче в их свете сверкали драгоценные украшения женщин и девушек.

Марин оставил Мирдана на попечение Юриса, а сам с невозмутимым видом стал не спеша прогуливаться по залу, равнодушно проходя мимо именитых гостей, не удостоивая их даже взглядом. Со стороны казалось, что один из гостей от скуки слоняется по залу, но на самом деле это было не так. Чуткое ухо Марина улавливало всё, о чём гости говорили промеж себя, и он был удивлён, услышав, что предметом всеобщего обсуждения стал Мирдан. «Хм, похоже, сегодня мы оказались в самом центре внимания, и нам не удастся отсидеться в стороне, как мы предполагали. С этими господами нужно держать ухо востро», – подумал он и, стараясь не привлекать к себе внимание, направился к Юрису поделиться наблюдениями, но не успел – церемониймейстер объявил выход царской семьи.

Парадные двери распахнулись.

Дамы присели в низком реверансе.

Мужчины преклонили головы.

Молодые люди и девушки остались стоять.

Мирдан, Юрис и Марин последовали их примеру.

В зал вышли Их Величества и царевна и заняли предназначенные для них места.

Приём начался.

Гости поочередно подходили к царствующей семье, и церемониймейстер громко представлял их царственным особам. Наконец очередь дошла до наших героев, и церемониймейстер торжественно объявил:

– Иностранные гости из Морелании: купец Марин с названным сыном Мирданом и его наставником Юрисом!

Милана, до этого времени сидевшая с опущенными ресницами, подняла глаза – перед тронным местом стояли двое мужчин и юноша, привлёкший её внимание. Она встретилась с Мирданом взглядом, и оба от смущения покраснели.

Царица украдкой наблюдала за дочерью и, когда иноземцы отошли в сторону, тихо шепнула супругу:

– По-моему, я знаю, кого Милана выберет себе в суженые!

– Кого? – заинтересованно спросил царь и посмотрел в сторону представленных молодых верланцев.

– Ваше Величество, вы смотрите не туда! – пропела царица и кивком головы показала на Мирдана. Царь с удивлением посмотрел в его сторону и на потупившую взор дочь и, не зная, что ответить, пожал плечами. Царица поманила пальчиком танцмейстера и велела составить расписание фигур танцев так, чтобы Милана как можно чаще оказывалась в паре с названным сыном иноземного купца. Танцмейстера такое распоряжение удивило, но в стремлении угодить госпоже он записал Мирдана почти в каждый танец с царевной. А царица тем временем приступила к осуществлению своего плана – выведать об иноземных гостях как можно больше. Она улучила момент и ласково попросила супруга:

– Стамир, после ужина соберите вокруг себя кружок и пригласите заморского купца.

– Хм! О чём я должен с ним разговаривать?! Я ровным счётом ничего не смыслю в торговых, а он в государственных делах! – возмутился царь.

– Дорогой! Вам не обязательно заводить разговор о торговле или политике. Попросите купца рассказать о его занятии, о товарах, которыми он торгует, и местах, где ведёт торг. Мне необходима эта информация, чтобы оценить выгодность партии Миланы и его сына. Пока вы будете беседовать, я сошлюсь на лёгкое недомогание и сяду с рукоделием неподалёку от вас, – вкрадчивым голосом сказала царица, и Стамир, восхищённый её мудростью и дальновидностью, согласился. По завершению церемонии представления царствующая семья в сопровождении гостей проследовала в обеденный зал, где на празднично накрытых столах стояли изысканные, приготовленные искусными царскими поварами блюда. Виночерпии возле бочонков с редкими винами ждали сигнал наполнить бокалы искрящимся вином.

Ужин удался на славу. Виночерпии непрерывно наполняли бокалы превосходным вином, и только бокалы Марина, Юриса и Мирдана оставались пустыми.

Изрядно выпитое вино ударило в головы сыновьям состоятельных верланцев. Они потеряли над собой контроль и стали перешептываться по поводу воздержания чужеземцев от вина. Один из них так осмелел, что вслух отпустил про Мирдана злую шутку в надежде, что колкость дойдёт до ушей царевны и её родителей и унизит купеческого сына в их глазах. Голоса молодых людей становились всё слышнее, а шутки – злее.

Мирдан стиснул зубы и опустил горящие гневом глаза.

Виночерпии в очередной раз наполнили бокалы вином. Изрядно захмелевшие юноши подняли бокалы выпить за здоровье царевны, но не успели даже пригубить вино. Мирдан вскинул глаза и вино вылилось злопыхателям прямо на белоснежные их манишки, а шутнику плеснуло в лицо и залило всю его одежду.

Марин и Юрис переглянулись и довольно усмехнулись.

Мирдан заметил одобряющий их взгляд и понял, что поступил правильно. Он улыбнулся и наколот на вилку аппетитную с хрустящей корочкой фазанью ножку...

Сконфуженный вид молодых людей рассмешил Милану. Чтобы не засмеяться, она зажала рот ладошками, но не удержалась и залилась залиvistым смехом. Следом за ней засмеялись царь, царица и остальные гости и злопыхателям ничего не осталось, как скрепить сердце от затаённой обиды и посмеяться самим над собой.

Марин, Мирдан и Юрис не приняли участие в этом веселье, но все сочли это естественным, полагая, что иноземцы не поняли причину их смеха или тактично сдержали его.

Царь бросил салфетку на тарелку с недоеденной едой и поднялся.

Гости поняли, что ужин закончился, и стали торопливо допивать оставшееся в бокалах вино и запихивать в рот недоеденные куски. Следом за царем поднялись царица и Милана.

Девушка посмотрела на сидящего с серьёзным видом Мирдана и одарила его такой милой очаровательной улыбкой, что сердце его дрогнуло. Он улыбнулся в ответ, и глаза его потеплели. Все перешли в бальный зал. Музыканты уже настроили инструменты и танцмейстер объявил фигуры первого танца и имена танцующих в них.

Мирдан услышал своё имя и имя Миланы и понял, что ему предстоит танцевать с ней. Но как танцевать? Он не успел выучить фигуры придворных танцев! Мирдан заволновался и не сразу услышал обращённые к нему слова Юриса, но когда понял, что тот с помощью магии будет руководить его движениями и ему не придётся выделять незнакомые для себя па, так обрадовался, что готов был схватить наставника в охапку и сжать в крепких своих объятиях.

Юрис сел в кресло, с которого мог видеть танцующих и ободряюще кивнул Мирдану.

Мирдан взял царевну под локоть и повёл в танцевальный круг...

Марин в это время рассказывал царю и его окружению об ограбленных им и его подельниками кораблях, товарах и драгоценностях, которые перевозились на этих судах и странах, где он успел побывать, сбывая награбленное добро. Единственное о чём он не рассказал, это то, что корабли, товары и драгоценности были не его. Слушатели с восхищением слушали живой красочный рассказ, в котором кроме путешествий Марин описывал стычки с разбойниками, из которых, к своей чести, он выходил победителем. К концу повествования собралось столько слушателей, что кресло царицы пришлось передвинуть подальше. Но для неё это было уже неважно – она узнала всё, что хотела знать и, положив рукоделие в корзиночку, услужливо поданную одной из дам, направилась в танцевальный зал.

Злопыхатели сменили испачканные вином рубашки и камзолы на взятые из бывшего царского гардероба и теперь с завистью следили за танцующим с царевной Мирданом. Они надеялись, что тот совершит ошибку в танцевальной фигуре, и готовы были позлословить на его счёт, но их надежда не оправдалась – Мирдан, благодаря помощи Юриса, был великолепен и безупречен. По раскрасневшимся лицам дочери и Мирдана царица поняла, что как танцоры они пользуются успехом и признаны лучшей танцующей парой дня. К концу вечера стало ясно, что с таким упоением танцующие только для себя и при этом не замечающие никого вокруг Мирдан и Милана, нашли друг друга, и, возможно, вскоре будет объявлено об их помолвке.

Бал закончился под утро. Уставшие от танцев гости разъехались по домам. Слуги потушили свечи. Дворец погрузился в сон, но царице не спалось. Её мысли были заняты подсчётом богатств Марина, о которых ей стало известно из его рассказа. Как супруга царя она знала о плачевном состоянии государственной казны и начала придумывать план её пополнения. «Ах, если Милана согласится выйти замуж за сына купца, мы станем самыми состоятельными правителями из всего нашего рода, и мне не придётся киснуть от скуки. Я буду устраивать пышные балы так часто, как только захочу. Все мои платья будут пошиты из шёлка, парчи и бархата и украшены золотым и серебряным шитьём. Я стану носить украшения, которые до меня не носила ни одна царица», – мечтала Её Величество, ворочаясь с бока на бок на мягком ложе...

Не спала и Милана. Но её не тревожили заботы матери. В мыслях она продолжала танцевать с Мирданом и мечтала, чтобы на следующем балу, вопреки придворному этикету, он обнял её и как можно крепче прижал к себе.

Лёгкий сон Мирдана был непродолжителен. В затуманенном сном его сознании всплыло увиденное на зеркальной створке медальона лицо девушки с короной на голове – и лицо то было лицом царевны, с которой он танцевал на балу. Ночное видение пробудило его, и сердце учащённо забилося. Мирдан понял, что больше не заснёт, оделся в привычную для себя одежду и пошёл к выходу, чтобы побродить по улице и собраться с мыслями, но не успел – дверь перед его носом открылась, на пороге стоял встревоженный Юрис. Мирдан с недоумением посмотрел на него, а Юрис взволнованно попросил:

– Подожди! Не уходи! Мне нужно с тобой поговорить.

Мирдан вернулся в свою комнату и присел к столу.

Юрис плотно прикрыл за собой дверь.

– Эйс! Я должен на некоторое время покинуть тебя и вернуться к своему повелителю! – удручённым голосом сказал Юрис, от волнения назвав Мирдана магическим его именем. – Я видел вещий сон, в котором Марин покинул нас навсегда.

– Как навсегда? – не понял Мирдан.

Юрис посмотрел ему в лицо и сказал:

– Когда человек стареет, у него остаётся мало жизненных сил. Это происходит помимо воли человека. Увы, таков удел всех смертных. Никто из людей не знает смертный свой час, который может пробить в самый неожиданный для вас момент. Человек бессилён отодвинуть предписанный свыше час кончины и не в состоянии что-либо изменить, если на помощь ему не придёт могущественная сила.

– Но Марин ещё не старый и крепок телом! – воскликнул Мирдан. – Я только успел привыкнуть к нему и полюбить как родного отца! Я не хочу расставаться с ним! Он обещал обучить меня морскому ремеслу. Я надеялся, что его знание обычаев и привычек людей поможет мне быстрее освоиться в их мире, ведь на помощь отца я уже не рассчитываю! – в голосе Мирдана прозвучали нотки горечи. – Я не хочу, чтобы Марин уходил навсегда, или, по крайней мере, если этому суждено случиться – пусть это случится как можно позже.

– Именно об этом я хочу просить своего повелителя, но для этого я должен на время покинуть вас. Прошу, не называй никому истинную причину моего отсутствия, а тем более Марину. Если Тэзмей даст то, о чём я иду просить его, пусть это будет тайным подарком твоему спасителю от нас с тобой и от твоего учителя.

– От моего учителя? Вы виделись с ним?

– Нет, но Зменей навесил мне вещий сон и пообещал попросить об этой услуге своего отца, когда я вернусь в страну змей.

– О, мой учитель! Он был рядом, и мне не послышался его голос. Учитель не забыл меня и продолжает заботиться обо мне, – растрогался Мирдан, вынул из-под рубашки подаренный магами медальон и крепко сжал его в кулаке. По телу его пробежала искра, и он понял, что это был приветственный, посланный Зменеём знак.

– Эй, Мирдан! Юрис! Где вы запропалились? Скоро день на дворе, а меня никто не разбудил! Или вы сами ещё дрыхнете? Эй, сонные тетери! – раздался за дверью бодрый голос Марина.

– Помни о нашем уговоре, – шепнул юноше Юрис.

Дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял улыбающийся во весь рот Марин.

– Эй! Я иду будить вас, а вы, вижу, давно уже встали?! – разочарованно произнёс бывший разбойник.

Мирдан и Юрис не успели стереть с лица озабоченное выражение, и Марин, заметив это, встревожился.

– Что произошло за время, пока я спал? – настороженно спросил он.

– Ничего, отец. Всё в порядке. Просто... – Мирдан умоляюще посмотрел на Юриса, ища у него поддержку, и тот нашёлся с ответом.

– Я хотел отлучиться на корабль и зашёл узнать у Мирдана, не нужно ли что привезти ему из сокровищницы? Чтобы завоевать сердце такой девушки, как Милана, он должен как можно чаще преподносить ей не просто подарки, а подарки, достойные их обоих.

Марин усмехнулся.

– Ты правильно мыслишь, Юрис! Женский пол любит блестящие побрякушки. Думаю, нужно подобрать достойные подарки и для её родителей. Будь любезен, выбери из моей сокровищницы для Их Величеств что-нибудь подходящее. Конечно, было бы лучше, если бы после завтрака мы вместе отправились на корабль...

– Нет-нет! – поспешил вмешаться Мирдан. – На это уйдёт уйма времени. Нам нельзя всем отлучаться. Вдруг из дворца прибудет гонец или придёт навестить нас настоящий мой отец, а дома никого нет?!

Марин почесал затылок.

– Да, малыш! Отчасти ты прав. Но я уверен, что после бала во дворце не все проснулись, и гонца Их Величества сегодня к нам не пошлют. Давай в отсутствие Юриса навестим семью Гонтаря. Ты ведь хочешь познакомиться с братом и сестрой?

Мирдан и Юрис с радостью поддержали предложение Марина, и на некоторое время пути их разошлись. Медян отправился в горные владения Тэзмея, а Мирдан купил в соседней лавке сладости и вместе с Марином пошёл пешком к дому Гонтаря.

Гонтарь сидел у окна и расписывал глиняную посуду, но делал он это ради удовольствия, а не для заработка. В укромном месте у него была спрятана подаренная магами сокровищница, и семья его не испытывала прежней нужды. Так случилось, что именно в этот день он расписывал большой глиняный кувшин. Ликея и дети ещё не вернулись с базара, и Гонтарь в доме был один. С минуты на минуту он ждал их возвращения и часто выглядывал в окно. Посмотрев в очередной раз, он увидел идущего по улице пожилого мужчину и молодого человека рядом с ним. Что-то в их облике показалось горшечнику знакомым; он даже привстал, чтобы рассмотреть их лица, но свертки, которые они несли перед собой, мешали ему сделать это, и он потерял к идущим интерес. Гонтарь сел на место и хотел сделать мазок, как вдруг, словно пружиной, его подкинуло вверх.

– Да это же мой сын и Марин! Но почему они идут вдвоём? – заволновался Гонтарь и отложил в сторону кисть и краски. С не свойственной ему поспешностью он открыл дверь и на пороге столкнулся с Марином и Мирданом.

– О! Смотри-ка, сын! Мы ещё не постучались, а нас уже встречают, как дорогих гостей! – не скрывая радости от встречи, воскликнул бывший разбойник.

Гонтарь растеряно затоптался на месте. С минуты на минуту он ждал появления жены и детей и с излишней торопливостью сказал:

– Проходите поскорее в дом! Негоже стоять на пороге, – и отступил в сторону, пропуская гостей в дом.

– Ты не рад нашему приходу? – настороженно спросил Марин суетившегося Гонтаря.

Гонтарь побледнел и окинул тревожным взглядом улицу.

– Как ты мог такое подумать? Конечно, рад, но... Давайте зайдём в дом, и я всё вам объясню.

Когда спасительная дверь захлопнулась, срывающимся от волнения голосом он поведал, что не рассказал жене про найденного сына и решил никогда не раскрывать эту тайну из опасения, что всплывёт давнишняя история, и царица постарается избавиться от всей его семьи.

– Марин, ты назвал моего сына своим. Прошу, повтори это ещё раз в присутствии моей жены! – умоляющим голосом попросил Гонтарь бывшего разбойника. – После нашего возвращения я постоянно ловлю на себе пристальный взгляд Ликеи и чувствую себя не в своей тарелке. Она будто подозревает, что я что-то скрываю от неё.

Гонтарь виновато посмотрел на сына и сказал:

– Мирдан! Твоя мать давно смирилась с твоей потерей. Весть о том, что ты нашёлся, а я, вместо того чтобы обрадовать её, скрыл тебя, – окончательно убьёт Ликею. Прошу, не разрушайте запоздалым признанием нашу семью! – униженно, со слезами на глазах умолял он Марина и Мирдана.

Марин нахмурился и осуждающе сказал:

– Да, Гонтарь! Наворочал ты дел! И на корабле ты не отличился храбростью, а здесь даже превзошёл себя в трусости! Жене-то мог сказать по секрету, что нашёл сына. Что жив он, мол,

здоров, но живёт в далёкой стране и не может так быстро вернуться назад. А время расставило бы всё по своим местам, – и перевёл взгляд на стоящего с опущенными глазами Мирдана, пытаюсь угадать его мысли и чувства, но тот замкнулся в себе.

В дверь постучали.

Гонтарь вздрогнул и заискивающе опять попросил Марину и сына о необычной услуге. На улице слышались весёлые детские голоса, звавшие отца, и недовольный женский голос:

– Опять ваш отец увлёкся росписью горшков. Стук в дверь не слышит...

– Умоляю, не выдавайте меня! – прошептал Гонтарь, готовый от страха лишиться чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.